

Утренний гудок

Александр Моисеевич Атабемян

1918

Оглавление

Предисловие	4
1) Утренний гудок	5
2) Над свежей могилой	7
3) Голос из пустыни	9
4) Утерянный путь к идеалу	11
5) Клин за клином вбивают	14
6) Коммунизм	15
7) Сказка бабушки	17
8) Переговоры о мире	19
9) Свобода слова	20
10) Правосудие и анархизм	22
11) «Злостный налог»	24
12) Финансовые реформы	26
13) Свободная торговля	29
14) Безработица и трудовая дисциплина	31
15) Завоевания революции	34
16) Пощадите душу!	36
17) «Рукопожатия отменены»	37
18) «Звериные мозги»	40
19) Ухарь-купец	42
20) Будь ты вечно проклята!..	45

21) Пустоцветы революции	47
22) Саботаж	51
23) Государственная власть и народная оборона	52
24) Уроки войны	54
25) Политический атеизм	57
26) Снизойдите, ответьте, просветите!	59
27) «Неразгаданный сфинкс»	62
28) Былина о трёх китах	64
29) Мирозерцание анархизма и синдикализм	66
30) Размышления о Советской Федеративной Республике	68
31) Откуда пошла контрреволюция?	71
32) «Веский аргумент»	73
33) Террор	74

Предисловие

В период глубоких общественных потрясений, когда со сказочной быстротой распадаются обширнейшие государства и рушатся вековые учреждения, когда бурно изменяется весь уклад жизни и взаимоотношений разных слоёв населения, взгляды людей, их теории относительно общественных явлений, их понимание жизни не могут оставаться неизменными. Революции на деле выявляют недочёты и заблуждения старых учений. Ломка отживших общественных порядков сопровождается пересмотром идеологии учений, сложившихся при иной обстановке и при иных условиях.

Волна обновления не могла не размыть и идеологию анархизма.

Новые идейные веяния в этом учении теперь пробуждаются не теоретическими изысканиями, не гадательными предположениями, а диктуются самим ходом событий и стремительно текущей жизни.

Жизнь властно требует немедленных ответов и быстрых решений на свои запросы.

Она не даёт досуг систематично изучить, планомерно изложить, сжато выразить выводы из её уроков.

Выпускаемый сборник статей является откликом анархиста на разрозненные запросы жизни. Несмотря на злободневную форму многих из них и раскинутость затронутых вопросов, тем не менее внимательный читатель уловит связующую нить единства мировоззрения и метода изучения явлений.

Мировоззрение это — естественно-историческое, ищущее основу общественности в биологии, в развитии психо-физиологии животного мира.

Метод изучения — исходит от фактов, от наблюдения конкретных явлений для того, чтобы перейти к обобщениям.

Что бы ни говорили теоретики с предвзятыми мыслями, прогресс, и в мирное, и в революционно время, есть результат реагирования психо-физиологической природы человека, — его чувствований и его мышления, — на внешние условия жизни.

И если последующие страницы пробудят хоть кое в ком чувства и мысли в направлении важнейшего фактора эволюции, — объединения для взаимной помощи, — то цель, побудившая автора, не писателя по профессии, взяться за перо, будет достигнута.

1) Утренний гудок

Если всмотреться в общий ход современной, небывалой, в одно и то же время кошмарной и волшебной жизни, то мы увидим, что человечество в муках страданий взбирается на новую ступень цивилизации, откуда открываются необъятные горизонты для общественного строительства на новых началах, — предугаданных предтечами социализма, прозванными за свою дальновидность «утопистами», — на началах свободы от гнёта власти и материальной нужды.

Если мы всмотримся в бурлящую вокруг нас революцию, то мы убедимся, что она не может уже окончательно улечься до тех пор, пока «всё производство необходимого, равно как и распределение созданных богатств не будут организованы для удовлетворения непосредственных нужд всех» (Кропоткин).

Но наша революция неизменно ежедневно даёт нам чувствовать своё «греховное зарождение». Она — плод ужасной войны, а не пробудившейся мысли. Поэтому она так жестока, поэтому она так обилует проявлениями произвола и бесцельных насилий.

Нет, нет! Произвол — не революция, бесцельные насилия — не социализм.

Это — болезнь, ужасная болезнь, переживаемая человечеством.

Это — зараза, тлетворная зараза, рассеянная мировой войной и опустошившая шаткие устои нашей отсталой общественности глубже, чем в других странах.

Это — порождение заблудившейся мысли, это — вложение конкретного содержания в ложную проповедь, будто слепая сословная борьба — путь к прогрессу.

Это — плоды невежества, это — незнание научного закона, что основным двигателем общественного развития является взаимная помощь, и что путь к слиянию всех сословий в одно человечество — в объединении всех для борьбы за лучшее существование.

Самый насущный запрос текущей бурной жизни, это — понять, что выше сословной морали распадающегося капиталистического общества стоят общие интересы человечества, стоит общественная этика нарождающегося нового строя.

Без нравственных устоев, обязательных как по отношению у друзьям, так и к врагам, нет пути к прогрессу, нет дороги к социализму!

Никто не имеет права пройти мимо, никто не должен дольше молчать, когда банды самозванцев присвоили себе право самовольно распоряжаться жизнью каждого и всем общественным достоянием, к которому нужно приложить широкую инициати-

ву знаний каждого из нас и плодотворную общественную самодеятельность, чтобы создать действительно обновлённую жизнь.

Нет среди властвующих верхов ни искренних, ни фанатиков.

Фанатики не меняют своей проповеди, как змеи шкурку.

Фанатики не крестятся сегодня двумя перстами «братанья», а завтра тремя перстами «обороны».

Искренние?.. Самые слепые давно бы прозрели, когда и камни вопят...

Настали опять времена борьбы с самодержавием личностей и произволом нового чиновничества.

Товарищи-рабочие, вы все, что у станка, у сохи, у письменного стола, вслушайтесь: раздаётся утренний гудок!

То вас зовут анархисты на дружную работу для создания новой жизни — жизни истинной свободы, довольства для всех и радости существования.

Задача сложна и многогранна. Но она же и прекрасна!

Не под силу нам одним. Помогите, подсобите, чтобы наш идеал стал вашим идеалом, чтобы он стал идеалом всего общества, самим обществом.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 59, 15 мая.

(Подпись: А.Л. Атабекян — sic!)

2) Над свежей могилой

В период глубоких общественных потрясений, подобных переживаемым теперь народами России, когда всё старое, отжившее распадается и рушится с головокружительной быстротой, а новое, нарождающееся не успело ещё оформиться и окрепнуть, на передний план общественной арены выступают самые крайние импульсивные элементы. Для их деятельности открывается простор и раздолье. Свои беспорядочные порывы в хаотической среде общественной дезорганизации они сами и ошеломлённые зрители принимают за реальную силу и революционное творчество.

После феерического крушения архаического русского самодержавия и эфемерного объединения всей страны поле деятельности по внешности осталось за Временным Правительством. Но старые общественные устои были слишком широко и слишком глубоко расшатаны, чтобы аппарат государственной власти мог успешно руководить и справиться с огромной, необозримой, бесконечно разнообразной и неотложной задачей установления повсюду новых общественных порядков на прочных основах.

Процесс разложения продолжал идти своим естественным ходом и разразился в бурный, жестокий, кровавый октябрьский переворот, вознесший на гребень волны бушующей революции прямолинейную и неразборчивую в средствах партию демагогов, получивших власть за грубую лесть смутному ещё, но глубокому инстинктивному стремлению народных масс к новым общественным порядкам — к порядкам, основанным на началах свободы от гнёта государственной власти и на экономическом равенстве всех.

Всякая власть по своей природе консервативна, уже по одному тому, что она стремится прежде всего упрочить и продлить своё существование. Завладев аппаратом управления, большевики пытаются воскресить, подобно Временному Правительству, но неслыханными до сих пор приёмами насилий и жестокостей распадающуюся государственную власть.

К счастью, не в их силах остановить ход истории.

Логическое развитие процесса разложения государственной власти ведёт к новым общественным порядкам, — к государственному строю без принудительной власти, к анархизму.

Но внутренний процесс перестройки общества на новом начале безвластия ещё не закончен, а потому на поверхность общественной жизни всплывают самые импульсивные элементы, примкнувшие к идеологии нарождающегося нового строя.

При своих выступлениях импульсивная часть анархистского рабочего движения мало заботится о соблюдении строгой логической и тактической последовательности по отношению к тому высоко этическому научному учению, под ореолом которого она действует.

Такова уж судьба самых возвышенных социальных учений: проникая в плохо подготовленные массы, они искажаются до неузнаваемости, пока упорный труд

сознательных прозелитов не поднимет эти массы до правильного восприятия нового учения.

В отношении уклонения от начал своего учения импульсивные анархисты очень схожи с большевиками.

Это сходство в оторванности от своей основной идеологии во время переворота тесно сблизило «активных» большевиков с импульсивными анархистами.

Но процесс разложения государственности не остановился. Он дошёл до грани, дальше которой большевизм не может идти без самоотрицания.

Государственной власти и анархии более не по пути.

Большевистская власть остановилась у грани государственного капитализма.

Анархист Толстой в одном из своих писаний говорит, что нет настоящего: есть прошлое и будущее, и есть точка соприкосновения между ними.

Ты — прошлое, большевистская власть! В ночь на 12 апреля ты сама себя похоронила.

Анархизм же, очищенный от монополизированных тобой приёмов дезорганизованных экспроприаций и проявлений произвола, — молодое будущее.

Анархизм — единственный пылающий светоч, могущий вывести человечество из того тупика истории, в который его завела его мировая война.

Нет настоящего, — говорит Толстой. Перед нами выбор: или вернуться к прошлому, хотя бы в форме государственного капитализма, с неизбежной угрозой новых войн, или же движение вперёд, к коммунистическому анархизму.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 48, 28 апр.

3) Голос из пустыни

В самый разгар большевистского переворота, 28-го октября, я обратился к товарищам с ниже приводимыми словами.

Тогда никто не захотел меня слушать. Тогда, буквально, мой голос раздался в пустыне.

Быть может, так и следовало. История имеет свою логику. Она разнится от логики индивидуальной.

Ходом событий руководит логика исторической целесообразности. Если бы в октябре анархисты остались чуждыми народных заблуждений, быть может, анархистское движение не имело бы того большого влияния на рабочие массы, которым оно пользуется теперь.

У истории логика целесообразности, но история даёт и свои уроки наглядного обучения.

Голос, раздавшийся 28-го октября в пустыне, тем не менее остаётся голосом истины.

Вот что я писал тогда:

«К товарищам анархистам.

На подмостки политической власти всходит новая партия — большевики. Гражданская война в полном ходу.

Товарищи, во имя цельности наших начал, — в них только сила и наши надежды, — воздержитесь от этого *политического* выступления, как вы воздерживаетесь от *их* выборов. Если вы ошиблись и стали на этот путь гражданской войны, а не социальной революции, скорее уйдите с него, не выпускайте челн дорогих нам идеалов по чуждому течению: всё равно он разобьётся об уготовленную большевиками в конце течения *власть*.

Уже первое обращение их Петроградского Временного Революционного Комитета, — читайте: «правительства», полно угроз ареста и преследований против всех инакомыслящих, «не присоединившихся» к ним. — На это ли мельничное колесо вы хотите лить воду?

Заблуждают они народ своим лозунгом мира. Вчера они раздували энтузиазм обещанием *немедленного мира*, сегодня уже они нам говорят только о «*немедленном предложении демократического мира*».

Кому они предложат? Народам всего мира? Да ведь уже два раза русская демократия протянула им руку, и оба раза рука эта повисла в воздухе.

Значит, предложат империалистическим правительствам союзных и воюющих с нами держав. Да станут ли державы с ними разговаривать? Чем

заставят они союзные державы принять *демократический мир*? Нашей слабостью? Нашей дезорганизованностью? Или угрозой сепаратного мира?

Но ведь ясно, что союзники *и без нас*, с Америкой *вместо нас*, продолжают войну. И тогда это будет не сепаратный мир, а позорный союз русско-го народа с германским милитаризмом и перенесение войны на новый фронт.

Единственный путь помочь народу получить столь желанный мир, это организовать борьбу не только с внутренним капитализмом, но и с внешним милитаризмом.

Разве к этому приглашают большевики у преддверья власти? Разве понимают они народное ополчение против злейшего врага мира, тевтонского милитаризма, после низвержения нашего внутреннего абсолютизма? А ведь без этого никакая *сепаратная социальная революция невозможна*.

Большевики обещают народу *хлеб*. Какими средствами? Их «военно-революционный комитет в Петрограде предложил всем служащим экспедиции заготовления государственных бумаг не оставлять своих работ», возвещает телеграмма. Соловья баснями, а народ бумажным хламом обанкротившейся государственности не кормят. Нужно организовать производство и обмен руками самих рабочих, без хозяев. А разве внезапным политическим переворотом это делается?

Даже захват анархистами одной-единственной типографии обречён на неудачу, так как анархистское издательство недостаточно организовано, чтобы оно *немедленно смогло прокормить* типографских рабочих.

Социальная революция производится не *захватами*, а *организацией*.

Большевики обещают крестьянам землю. Земля, как и свобода, *не даётся*, а *берётся*. Где пошли большевики с народом для передачи ему земли? Или вы верите, что они в состоянии это сделать декретами?

Последнее их обещание, «народная власть», это они исполняют. Недаром претендуют они быть «*единственными*», «*истинными*» выразителями воли народа.

Товарищи-анархисты, откройте ваши глаза на большевизм, как он есть, а не как он вам рисуется.

Не бесполезным кровопролитием, не во время гражданской войны за захват власти совершается социальная революция, а организованным переходом производства в руки трудового народа, без власти, *в политической анархии*».

4) Утерянный путь к идеалу

Трудно нам, современникам, — невольным зрителям и участникам величайших, быстро сменяющихся исторических событий, — приглядеться к ним, уловить логическую нить их развития и руководствоваться ею. Мы не можем отрешиться от действительности, отойти в сторону, наблюдать, внимательно оценивать явления, чтобы не ошибиться: жизнь не ждёт, она властно требует от нас немедленных решений и соответствующих действий.

Когда у нас отсутствует (правильное или ошибочное, суть не в этом) понимание событий и запросов текущей жизни, тогда у нас исчезает и решительность; тогда парализуется сама воля, появляется безразличное отношение к потрясающим событиям.

Такое именно отупение общественных чувств переживает теперь Россия. Уже прошло немало времени после заключения некогда столь желанного всеми мира и его ратификации. Почему продолжается такая подавленность духа? Какая причина упадка общественной энергии?

Причина в том, что нами утеряна нить развития истории, нами утерян путь к идеалу.

Причина в том, что после целого года энтузиазма, увлечений и ошибок мы опять очутились у «разбитого корыта», предсказанного Керенским.

Причина в том, что мы, ослеплённые ложными, давно устаревшими теориями, возомнили создать всеобщую солидарность — социализм, на безразборчивой гражданской и междоусобной войне, приведшей к полному общественному разъединению и международной моральной и материальной изолированности.

Лишённые критического чутья, наши митинговые интернационалисты возомнили себя драгоценными самородками среди враждебной стихии империалистических вождельний.

Не доглядели они, что за время войны общественные и государственные взаимоотношения народов и самые цели войны неуклонно меняются.

Ослеплённые демагоги, они продолжают всё твердить: капитализм капитализму равен, империализм — империализму.

Оказалось на деле иное.

Оказалось, что старые капиталистические государства за время затянувшейся великой войны сдают свои позиции одну за другой. Они изжили свой век. Они склоняются перед нарождающимся социализмом, а молодая капиталистическая Германия... мы до сих пор не пришли ещё в себя от ошеломляющего удара и последствий, продиктованных ею циничных условий мира.

Рядом с этими условиями не отходной ли над старой государственностью звучат слова президента Северо-Американских Соединённых Штатов: «настоящая война повлияла на разум и волю всего мира... Мы боремся за новый международный строй на

широких мировых принципах права и справедливости... Все пробудившиеся народы мира являются в настоящее время судьями всего... «Самоопределение» — не пустое слово, а властная, действенная сила... всякий территориальный спор, связанный с войной, должен быть разрешён в интересах и к выгоде населения»¹.

И уж конечно, эти мысли внушены не заискиванием перед политическим бессилием наших интернационалистов у власти со стороны президента могущественной капиталистической республики. Наши государственные социалисты заимствовали у заокеанской демократии её внешность, но не внесли в лозунг «федерации» новое содержание. Они стремятся, подобно Временному Правительству, воскресить умирающий империализм и опаснейший из империализмов — социалистический империализм!

История стремительно развивается, жизнь неудержимо меняется: нужно на лету учиться у жизни!

Пора отбросить устаревшие теории и их жрецов, которые копаются в писаниях иного века, как раввины в Талмуде и попы в Библии. Пора откинуть дурман их лженауки и их демагогические приёмы действия.

Только при этом условии мы снова станем на верный путь к социалистическому идеалу, только на этом пути мы обретём спасительное общественное и международное объединение.

Не своими экономическими последствиями страшна победа Германии.

Утвердив своё мировое господство, она отведёт каждому рабочему его место в государственном капиталистическом стойле.

Победа Германии страшна тем, что она — гибель народных идеалов, гибель стремления к местному самоопределению и к свободному социальному строительству.

Но всё ли погибло?

Пути истории покрыты туманом для современников.

Не для того ли она сокрушила до самых основ могущественную Российскую империю, не для того ли она расчленила её народности и низвела Великороссию на степень Бельгии, Сербии и Армении, чтобы вывести человечество из заколдованного круга государственной власти на путь нового международного строя и новых общественных порядков; на путь к новой ступени цивилизации, основанной на хозяйственном территориальном самоопределении, без власти и принуждения, без политических и таможенных границ?

Бельгия, Сербия и сама Армения, защищавшая своими слабыми силами покинутый «интернационалистами» Эрзерум, побеждены, но не покорены.

Настал черёд и для многомиллионного русского народа вступить в их ряды.

И если за Россией та же участь постигнет и Францию, и Италию, то никакие в ход истории, быть может, должны сказать: ближе к цели, мы продвигаемся на пути истории к идеалу. Лишь бы не был сломлен дух свободы, лишь бы Германия завоевала, победила и эти страны, а не покорила их.

Ей тогда придётся, окружённой кольцом враждебных, временно притаившихся народов вести войну с Англией и Америкой.

¹ Из речи, произнесённой 11-го февраля 1918 г. перед конгрессом.

Исход этой борьбы ясен: в ней погибнет от взаимного истребления последняя форма государственной власти — мировой империализм.

Мировые империи всегда строились на расчёте покорности новых стран, после победы более сильной. Мировые империи всегда были «колоссами на глиняных ногах». Германия не составит исключения, иначе бы мы не видели противоестественного союза цивилизованной страны с полудикой турецкой государственностью. Германия, при всей её внешней технической броне, внутренне немощна.

Пушками и удушливыми газами свободного духа, «разума и воли всего мира», — не покорить.

Подписанный большевиками мир — «передышка», взятая германским империализмом для закрепления своей власти, но не для нас, стремящихся к уничтожению гнёта всякой власти.

Мир, подписанный большевиками, не предательство России, — над русской государственностью уже был поставлен крест, — а предательство международного социализма.

Мир, подписанный большевиками, не может остаться миром свободного духом великого народа.

Победа врага не может стать конечной, пока не сломлен дух побеждённого.

В сознании народа шире расчистить утерянный путь к идеалу через общественное объединение без сословных привилегий, ни старых — помещичьи-капиталистических, ни новых — лже-«рабоче-крестьянских», и он воспрянет духом для новых усилий в борьбе за экономическое равенство — социализм; он воспрянет для борьбы с опаснейшим воплощением власти, с самой германской государственностью, и для создания свободного «нового международного строя» — анархизма.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 90, 21 июня.

5) Клин за клином вбивают

Давно это было, — забыл даже, в каком году. Заседал международный съезд врачей. Со всех концов света съехались знаменитые лекари и учёные профессора. Обсуждали, как всего лучше исцелить крупозное воспаление лёгких. Разбились на партии, горячо спорили, с цифрами в руках, со статистическими выкладками расхваливали разные средства. Кто советовал лошадиные дозы наперстянки, кто белогорячечные количества вина, кто холодные ванны, кто припарки, — разве перечтёшь, чем лечат одну и ту же болезнь!

В стороне сидел самый простой и самый учёный из них и молча слушал. Наконец обратились к нему: «Что же вы не скажете ваше вещее слово, учитель?»

Поднялся с места обрамлённый сединой и умудрённый опытом учитель, медленно взошёл на кафедру, внимательно оглядел всех и задумчиво спросил: «А вы не пробовали ничего не давать больному? У меня они этим путём прекрасно излечиваются».....

Так собрались все партии у постели больной России и наперерыв каждая предлагает свой рецепт, один ядовитее другого.

Кадеты теперь только додумались до диктатуры, до произвола личности или группы над всеми, а большевики давно применяют её вовсю, и уже договорились до «диктатуры над частью пролетариата» и завтра же откровенно объявят её над всем пролетариатом и всем народом! Народные социалисты хлопочут о соглашении партий на каком-нибудь новом уродстве. Эс-эры, меньшевики и сами «научные» интернационалисты мечтают оживить труп учредительного собрания. Даже часть анархистов, и те потянулись к власти: в комиссариаты, в советы, в исполнительные комитеты. От власти не стало обывателю-народу ни мочи, ни житья.

Клин клином, власть властью вышибают.

И чем чаще вышибают, тем глубже, тем больнее вбивается новый клин в живое тело больной России.

А там, в стороне, со скорбью в сердце по больной России, с тоской в душе за её судьбы, молча сидит маститый старец. Давно он сказал: «Перестаньте поить ядом власти больное общество! Так оно вернее исцелится»...

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 49, 28 апр.

6) Коммунизм

В широких слоях народа с понятием о «коммунизме» связываются довольно смутные и даже отталкивающие представления. Одни считают коммунизм досужей фантазией, другие видят в нём введение казарменного уклада жизни для всего общества.

Если бы и те, и другие внимательнее рассмотрели хозяйственную жизнь городских общественных самоуправлений новейшего времени, то они убедились бы в том, что в сущности начала коммунизма не со вчерашнего дня стали всё более и более претворяться в жизнь.

Когда городские самоуправления вводили подоходное обложение, то они стремились взять «с каждого по его средствам» (вопрос не в том, насколько полно и справедливо осуществлялось это начало); а когда те же самоуправления заботились о благоустройстве городов, которым пользовались все: о мощении и чистоте улиц, о содержании городских садов и скверов, о внешнем освещении, об общественной безопасности, о бесплатном первоначальном обучении детей, о бесплатной медицинской помощи и санитарных службах и т.д., «для каждого по его потребностям», то во всём этом имелись зачатки коммунизма.

Если при дальнейшем развитии хозяйственной жизни городов трамвайное движение станет всё более и более удешевляться (вместо временного повышения платы в связи с хозяйственной и денежной разрухой, вызванной войной) и, в конце концов станет даровым, как это было для солдатских масс в России, а в некоторых городах Австралии осуществлено для всего населения, то это будет дальнейшим развитием коммунизма.

Если в один прекрасный день (после излечения хозяйственной разрухи, причинённой войной) каждый житель будет получать хлеб, а затем и соль, и картофель, и селёдку, и чай, и сахар, и т. д., бесплатно, как воду и воздух, по нормам потребления или, при изобилии, совсем без ограничений, то в этом не будет ничего нового: это будет дальнейшим логическим развитием коммунизма: во всяком случае, это не будет досужей фантазией, так как применялось за время войны к миллионам беженцев и пострадавшего местного населения.

Переживаемые нами годы мировой войны и революции, являясь результатами капиталистического общественного хозяйства, сделали упразднение капитализма и расширение коммунистического начала на всю хозяйственную жизнь народов — на производство, товарообмен (торговлю) и распределение продуктов — неотложной практической необходимостью.

Вопрос только в том, как это осуществить?

Два пути ведут к цели.

Один — чиновничий, принудительный, государственный, другой — народный, свободный, анархистский.

Два социалистических течения сейчас проповедают коммунизм: государственные коммунисты (большевики) и анархисты-коммунисты.

Первые ведут к цели путём захвата власти и хозяйничанья чиновников-комиссаров над народом.

Вторые ограждают народ от произвола власти, чтобы народ сам стал хозяином своей жизни.

Большевики говорят: «Мы отбираем все фабрики, заводы и промысла у капиталистов, мы их «национализируем» и своей «централизованной» властью (лозунг «федерации», исключающий централизацию, они выкинули так, для приманки, чтобы морочить народ, как морочили его лозунгами о мире, об учредительном собрании, об отмене смертной казни), облагодетельствуем народ. Мы дадим каждому возможность трудиться, соберём все плоды их трудов и распределим все созданные богатства по справедливости, по потребностям каждого, по прожиточным нормам, установленным для каждого».

Анархисты возражают: «Не мешайте заводским комитетам, при равноправном в них участии людей со специальными знаниями и опытом — сотрудников технического надзора и административного распорядка, организовать производство на общих, коммунистических началах («коммунистический» по-русски значит общий), — не мешайте объединениям потребителей, кооперативам, свободно производить товарообмен (торговлю); не мешайте домовым комитетам равномерно распределять продукты. Тогда все они скорее, лучше и справедливее организуют общественное производство, товарообмен и распределение для общей пользы всех, чем ваши чиновничьи комиссариаты.

Они согласуют разные отрасли народного хозяйства в советах, ставших органами совещаний, свободных объединений и всеобщей взаимной помощи или взаимного страхования трудом, вместо арены демагогии, гнёта власти и раздоров среди самих трудящихся, как теперь».

Два пути ведут в царство коммунизма, но ворота одни. Эти ворота — общественное совещание, советы.

Большевики, захватившие власть через советы, твердят:

— Вся власть советам.

Анархисты же говорят:

— Долой власть, да здравствуют советы, освобождённые от ядовитого яблока раздора — от власти.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 78, 6 июня.

7) Сказка бабушки

Много пишут за последние дни о «событиях чрезвычайной важности» на Украине. Что же на самом деле произошло?

Произошло очень немногое: бабушка-история рассказала старую сказку на новый лад.

Вот эта сказка:

«В некотором царстве, в некотором государстве правил тридцатью народами царь по имени Самодержец.

Смерти никому не миновать.

Умер царь Самодержец, и вот дети стали делить наследство, *власть*.

Старший говорит:

— Я и великоросс, и большевик, — мне вся власть.

А малоросс-то с краю брюзжит:

— Хотя я и мало-рос, а всё-таки свою долю требую, хочу выделиться. Вот гляди: самоопределяюсь!

Ссорятся братья меж собой, а тем временем на заборе притаился соловей-разбойник и ждёт, что из этого выйдет.

Подошёл старший брат к соловью и говорит:

— Хоть ты и разбойник, и зазорно мне якшаться с тобой, но давай мириться, чтобы после вольготно было мне с меньшими братьями расправиться. А за твою мир-дружбу возьми всю мою артиллерию на фронте.

Забрал соловей-разбойник всю артиллерию, а в это время подбегает меньшей брат и молвит:

— Ты не разбойник, а самим богом данный мне добрый сосед. послужи, дружище, помоги мне одолеть моего злого брата-большевика, который захватил всю власть, я же тебе за это хлебушка отсыплю полный зобик, по горло сыт будешь.

Взял соловей-разбойник то самое оружие, что от большевика получил, прогнал большевика прочь, разинул пасть и ждёт.

Отсыпал ему «самостийный» меньшей брат три миллиона пудов зерна, урезанного у родной семьи, запыхался и хотел «передышку» сделать.

Тем временем соловей-разбойник обернулся в дядю Пуда и стал вопить:

— Мало! Мало!

Тут выскочил из норы, куда запрятался во время ссоры братьев, третий сын покойника Самодержца, — родной, кровный сын (те двое были побочными, от чёрной плоти), — по имени Диктатор.

Обернулся налево Диктатор, зарычал львом, обернулся направо, завил хвостом, и молвил соловью-разбойнику:

— Я ли не умею прислуживать? Я ли не служил верой-правдой батюшке-царю?

Отсыплю я тебе весь хлеб, дочиста вымету закромы, тебе и трудиться не придётся. Дай мне за это законное наследство моего родителя — «власть»!

Дал теперь соловей-разбойник власть над Украиной третьему брату, Диктатору, и ждёт с разинутой пастью...»

Ну, детки-народы, пора спать! Конец сказки узнаете, когда проснётесь, а пока вот вам мой наказ:

«Когда с разбойником дружишь, оружие из рук не выпускай.

Не властвуй над братом, не станешь ссориться с ним».

Впервые напечатано: Анархия. 1918. №

8) Переговоры о мире

Съехались в Киеве представители «так называемой» советской власти и «так называемой» украинской диктатуры, — съехались и, окружённые германо-австро-болгаро-турецкой военной сворой, по указке «неназываемого» владыки, мирятся.

Мирись, великий безвольный русский народ!

Три века ты мирился с властью родного произвола: мирись с чужеземным!

Ты мирился, когда твои чиновники снимали последнюю рубаху с родного мужика: мирись, теперь будет снимать её германский чиновник!

Ты мирился с нашествием монголов с Востока, с татарским игом: мирись с нашествием тевтонов с Запада, с германским игом!

Ты мирился, когда твои власти отнимали у Украины её родной язык, её самоуправление: мирись, сегодня по прямому проводу и без провода, на чужеземном наречии, тебе диктуют, каким голосом петь!

Ты мирился, когда Грузию «добровольно» присоединили к России: мирись, теперь тебя свободно «самоопределили» и пристегнули твой «оазис» к германской державе!

Ты мирился, когда твои власти в Закавказье травили татар на армян: мирись, — там, по указке иной власти, слились в один поток кровь мирных русских жителей с армянской!

Мирись!..

Или, как раб, разрывающий цепи, ринься с голыми руками в жестокий бой и, подобно новому Иисусу, ценой своей смерти, сущим в рабстве, новую, свободную от власти, жизнь даруй...

Впервые напечатано: Анархия. 1918. №

9) Свобода слова

Не к анархистам обращаю эти строки: у анархистов — одна свобода: она без рубрик и категорий: это — свобода от власти человека над человеком.

Но вы, от кадетов до большевиков, вы, вписавшие разные свободы в свои программы, в том числе и свободу слова, почему вы преследуете друг друга?

Вчера «правые» преследовали «левых» — подвергали цензуре, судили и закрывали их газеты; сегодня «левые» душат голос «правых», — и судами, и без судов.

У нас, у последовательных анархистов, одна свобода, равная для всех, от товарища-монархиста до левейшего анархиста.

Товарища-монархиста?..

Ну, да! После того, как в Уфе председатель военно-революционного трибунала назвал обвиняемого «товарищем-вором», отчего бы и монархистов не назвать товарищами?

Не страшны нам монархисты без власти: без власти — они наши товарищи, люди. Нам не страшна, нам ненавистна власть, в чьих бы руках она ни находилась.

Нашей свободе не страшна свобода слова даже для заблуждающихся монархистов: лучший способ обезвредить их, лучший способ подбить крылья их орлу, — это дать им полную свободу говорить. Так были подбиты крылья у другой зловредной птицы — у религии.

Нам одинаково ненавистны преследования слова односторонними государственными судами, пусть то будут военно-революционные трибуналы или правопорядковые институты.

Мы требуем отделения правосудия от государственной власти и будем требовать отделения от власти всех общественных служб. Когда осуществится это, осуществится наш идеал, — общественный строй без власти и принуждения, — тогда воцарится анархизм.

Мы требуем отделения правосудия от государства и в первую очередь по отношению к печати.

Пусть все частные жалобы на печать разрешаются примирительными, а затем, по мере надобности, обязательными третейскими судами.

Пусть во всех жалобах общественного порядка выступает стороной — тоже в третейских судах — профессиональный союз всех органов печати, или его фракционные отделы.

Исполнительный орган? Им будем мы все, им будут общественное мнение и наша профессиональная этика.

Они куда действительнее и могучее, чем всякие пристава, комиссары и тюремщики.

Товарищи-юристы, встряхнитесь! Отбросьте прах римского права, отбросьте рутину преклонения перед законами государственной власти. Зарождается новое обыч-

ное право, — право профессиональной этики трудового народа. Ищите, оформите нам его законы методами юридической науки, освобожденной от тисков и традиций застывших законов государственной власти, — власти, мертвящей искания свободной научной мысли.

Товарищи-юристы, не направо лежит путь для развития вашей науки, но в направлении так называемых «правовых порядков», а налево, к свободному правосудию.

Вы это поняли после встряски, заданной вам большевиками; вы тогда заговорили об организации свободных третейских судов и судов чести.

Неужели нам нужны еще новые встряски от бессознательных сил нарождающейся новой жизни, чтобы поставить вас на верный путь научного прогресса, отвечающий требованиям времени?

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 57, 12 мая.

10) Правосудие и анархизм

Было время, — не так отдалено оно от нас, — когда анархизм представлялся даже для самих его последователей далеким идеалом, для всего остального образованного общества — радужной утопией.

Стремительный ход истории поставил в порядке дня практической общественной жизни осуществление самых невероятных теоретических чаяний.

Мировая война коренным образом изменила основы капиталистического строя.

Во всех странах обеих борющихся коалиций она вызвала широкое вмешательство государственной власти в хозяйственную жизнь народов: в производстве, товарообмене и распределении продуктов потребления.

Новая стадия хозяйственного развития цивилизованных народов, это — государственный капитализм. Он по недоразумению у нас в России называется социализмом. Он является кратковременной переходной формой к назревшей новой ступени цивилизации, а пока поддерживается условиями и последствиями войны.

Государственный капитализм — хрупкая скорлупа, из которой уже пробивается настоящий свободный кооперативный социализм, — социализм, свободный от тисков принудительной государственной власти.

Стремительное развитие истории перенесло проблемы анархизма из области теоретического идеала на конкретную почву запросов текущей жизни.

Рядом идеологи отживающей государственной власти тщетно пытаются обосновать проблему власти. Не знаменательно ли, что самая последовательная государственная «демократическая» партия, — партия народной свободы, — теоретически договорилась до самоотрицания, до диктатуры?

А практически на Украине позорно впряглась в колесницу диктатора.

Корабль государственной власти тонет. Инстинктивно все живое стремится спастись. Все жизненные силы народа стараются самостоятельно организовать все те общественные службы, которые до сих пор составляли прерогативу государственной власти.

Общественные службы должны, и стремятся, отделиться от государственной власти. Они должны стать свободными, анархистскими.

В ряду общественных служб, тесно сплетавшихся в истории с государственной властью, правосудие занимало во все времена не последнее место.

Светила юридической науки и целые последовательные поколения недюжинных умов из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век толковали о праве и справедливости.

Они заботливо старались воплотить справедливость в жизнь, уравнивать права публичного обвинителя и защиты.

Они считали право обвиняемого на последнее слово ценным завоеванием гуманности.

Но никто из них не поставил вопрос ребром: откуда исходит у слепой Фемиды право держать весы правосудия?

Для них всех, тонких мыслителей, тут не было вопроса, была аксиома: от государственной власти.

Но может ли быть разговор о равенстве прав обвинения и защиты, когда и обвинитель, и судья зависят от единой власти?

Выборные несменяемые судьи? Присяжные заседатели?

Но от кого получают жалованье одни? Чьи законы применяются при вердиктах и тех, и других?

Государственное правосудие не могло никогда стать правовым, так как по своей природе не могло осуществить основу справедливости — равенство сторон.

Понадобились чрезвычайные события, понадобился всеразрушающий революционный пыл большевизма, упразднившего было все суды и все законы, чтобы заставить наших профессиональных правоведов задуматься над практической проблемой свободного правосудия.

В этот самый минутный промежуток времени наши правоведы разработали исторический документ — *«Наказ комиссии по организации третейских судов при всероссийском союзе юристов»*.

Революционный пыл большевизма быстро угас. Потухла с ним и мысль наших правоведов организовать свободные суды, независимые от правительственной власти.

Большевики завели свои суды, пишут свои законы.

Большевики, по крайней мере, не лицемеры. Они не скрывают, как прежние режимы, что их суд — суд мести и сословной борьбы.

И все-таки, как всегда, наши правоведы поплелись на поводу у власти.

Тем не менее, выработанный ими «наказ» должен стать краеугольным камнем на повороте истории права.

Этот документ намечает практические формы, в которые может вылиться свободное правосудие.

Важна не форма, важно начало, проводимое им.

Этот документ предполагает то, что я писал о юридических нуждах населения в *«Социальных задачах домовых комитетов»*:

«Все обязательные судебные законы должны быть целиком отменены, но взамен их освободившаяся от тисков власти юридическая мысль создаст научные труды для выяснения и формулирования новых правово-этических норм. Все примирительные судебные инстанции, третейские суды и суды чести будут ими пользоваться не как обязательными застывшими, мертвящими жизнь формулами-законами, а как справочниками для правильного решения данного спора или дела, как врачи справляются в специальных трудах для правильного лечения больного».

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 72, 30 мая.

11) «Злостный налог»

Бывают налоги «прямые», когда у тебя отбирают деньги и кто-то там, наверху, чьим-либо фиктивным именем, бога или народа, распоряжается ими помимо тебя, не спросив тебя.

Это — открытый денной разбой.

Бывают налоги «косвенные», когда облагают акцизом или пошлиной предметы и продукты, без которых ты не можешь жить, или трудно тебе обойтись. Так грабители на большой дороге устраивают засаду, зная, что ты не можешь не пройти мимо.

Это — грабеж из засады.

Но есть еще один вид налога, который мы все, без исключения, платим аккуратно ежедневно, не подозревая, что нас обируют.

Это — когда правительство не пользуется доверием и все-таки продолжает печатать кредитки.

Экономисты говорят, будто кредитки должны быть обеспечены золотой наличностью. Но это в теории, в идеале. На практике курс кредиток показывает степень доверия, которым пользуется данное правительство. Если правительство продолжает печатать кредитки, несмотря на падение их курса, если правительство не пользуется доверием и все-таки продолжает пользоваться самовольно общественным кредитом, то оно походит на злостного банкрота.

При выпуске каждого нового рубля падает и цена рубля в кармане каждого из нас. Вот почему все дорожает до недоступности. Вот почему цены на хлеб безостановочно растут. Вот почему мы недоедаем, голодаем.

Причина голода не в государственной монополии и не в частной торговле, хотя капитализм, как частный, так и государственный, одинаковое зло. Причина в «злостном налоге», который злостный банкрот — власть — бесцеремонно, безотчетно выжимает из нас печатанием кредиток.

Жизнь сама диктует, как нужно организовать товарообмен и распределение продуктов. Не руками бездельных, тупых, подкупных чиновников государственной власти и не алчной корыстью частной торговли, а свободным почином и объединением нас всех. Всюду возникают кооперативные объединения, всюду домовые организации создают закупочные и распределительные союзы. В бывшей столице, на одной лишь Петроградской стороне, в минувшем апреле действовали 444 потребительских общества, из них 340 домовых.

То же самое начало нужно распространить и на организацию производства, и на восстановление и улучшение общественных служб. Как для первого, так и для вторых домовыми объединениями делаются уже практические шаги.

Но широкая общественная самодеятельность — основа социальной революции, подрывается единственной действительной контр-революцией — государственной властью.

Власть стремится превратить наши домовые советы и их исполнительные органы — домовые комитеты — в отделения своих полицейских участков.

Нет нам спасения от голода, нет нам спасения от разрухи ни от государственной власти, ни от ее ходульного государственного капитализма.

Настала пора уничтожить «подлый яд власти над людьми» (выражение Максима Горького), но для этого нужно поскорее выбить у нее из рук самое опасное оружие — печатный станок заготовления государственных бумаг. Нужно разбить это оружие «злостного налога» злостного банкрота — государственной власти.

Пусть мы обеднели от войны, но не так уж обнищали, чтобы голодать. Печатными бумажками сыты не будем. Нужно восстановить и поднять производство. Но для этого нужно сделать все коллективное производство общественным, в руках профессиональных союзов, объединенных в советы, очищенные от «подлого яда власти». Для этого нужно восстановить кредит и финансовый, и общественный.

«Власть» и «совет» — два несовместимых понятия.

Для спасения от голода, прежде всего необходимо уничтожить злостного банкрота — государственную власть.

Нужно разбить опасное оружие «злостного налога» в ее руках — печатный станок. Нужно предоставить организацию общественного кредита самому обществу, его самодеятельности, его объединениям — кооперативам.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 63, 19 мая.

12) Финансовые реформы

Большевики — народ неугомонный.

Ничем они не смущаются.

Ни перед чем они не останавливаются.

Подобно разгоряченной лошади на бегах, закусив удила, они мчатся во весь опор, воображая, что движутся вперед.

На самом деле они вращаются в кругу ипподрома.

Даже не в заколдованном кругу, а в рамках старой скрипучей, еще более заржавевшей машины государственной власти.

Былые интернационалисты, они свели свой лозунг всеобщего демократического мира до позорного сепаратного мира с четырьмя монархами.

И цепляются, во что бы то ни стало, за свой мир.

Сепаратный мир всей России они свели на похабный мир «советского оазиса».

Предав международный социализм, логически они должны были предать и своих вчерашних соседей по порабощению... в новое порабощение.

Столь осязательные результаты во внешней, с позволения сказать, «политике» не смущают большевиков.

Теперь они мчатся, закусив удила, на «внутреннем» ипподроме.

Чем бешенее мчатся наши самородные социалисты по пути «социалистических реформ», тем очевиднее они вязнут в замкнутом кругу капиталистических порядков.

Там, на внешнем ипподроме, они мчались под влиянием страха и германской ставки, здесь, на внутреннем, уже усердствуют за «совесть».

На днях состоялся съезд представителей финансовых отделов провинциальных советов.

Финансовый вопрос в переживаемый нами момент острой продовольственной нужды является самым животрепещущим.

Кто говорит о финансах, говорит о деньгах.

Центральная Россия голодает не потому, что негде купить хлеба, а потому, что не на что купить его: нет денег.

Я говорю о настоящих деньгах, о звонкой золотой и серебряной монете.

Что такое деньги, как не тот же товар, который продовольственные организации посылали в производящие области в обмен на хлеб.

Только более удобный товар для обмена.

Можно быть архисоциалистом, но законов общественного товарообмена не изменить, как не изменить законов природы.

Услуга за услугу, труд за труд, товар за товар, — вот круг товарного обращения.

Коммунизм, это — всеобщее взаимное страхование трудом, а не дармоедство.

Можно на той или иной территории объединить население самым идеальным коммунизмом и упразднить внутреннее денежное обращение, но до тех пор, пока на земном шаре останутся жить народы, стоящие на иных ступенях цивилизации, деньги-товар останутся для внешнего обмена.

О чем говорили на финансовом съезде?

Обо всем, но только не о финансах, о настоящих деньгах.

Говорили о передаче местных финансовых отделов в ведение комиссара финансов (очевидно, о «федеративной» централизации).

Говорили о «классовой финансовой политике» (надо полагать, что вперед одни только капиталисты будут работать, пролетариат — собирать плоды).

Говорили о национализации всего вплоть до кооперативных предприятий, конечно, руками чиновников (пока не предполагается национализировать только воздух).

Говорили, подобно самым вульгарным «либеральным буржуйам», о прогрессивном подоходном налоге, — на основе доклада Ленина.

Говорили также, как заядлые реакционеры, о «системе косвенных налогов».

Говорили затем о «единовременном чрезвычайном революционном обложении».

Большевики — не похожи на истинных христиан, а потому употребляют имя своей святыни, «революции», всуе. В старину, еще памятную нам, произвол назывался «экзекуцией», а теперь им позорят революцию.

Неспособные к планомерной экспроприации орудий производства, они узаконивают «налеты». В конечном результате за раздуваемую всеобщую разруху отдувается простой трудовой народ.

В самом конце... «милые» большевики и левые эсеры перессорились, поругались и разошлись до... до очередного творческого бреда Ленина.

На съезде говорили о чем угодно, даже о новых «денежных знаках», но ни слова о настоящих деньгах.

Но ведь от прежних правительств остались не одни бумажки, но и настоящие деньги, настоящий ходкий товар — золотая наличность.

Каждый, даже самый бедный рабочий, у которого имеется в кармане хоть одна рублевая кредитка, имеет право на долю этих денег.

И каждая новая рублевка, выпускаемая правительством народных комиссаров, урезает, уменьшает долю права держателя бумажного рубля.

На финансовом съезде не потребовали отчета у захватчиков народных прав, сколько осталось в точности золотой наличности? Сколько расхищено?

У самозванных народных комиссаров не потребовали отчета, на каком основании они печатают без ограничения кредитки и тем грабят каждого из нас, обесценивают даже грошовые сбережения рабочей и крестьянской бедноты?

У народных комиссаров не потребовали отчета, кто им позволил за наш общий счет содержать дорогую потешную армию потешных наймитов? Кто им разрешил размножать бесконечно чиновничество на спине народа?

Народным комиссарам не указали даже, что ведь все их затеи с централизацией и национализацией — гибель самой идеи федерализма, под знаменем которого они укрылись; что все их мероприятия с подоходными и косвенными налогами для оздоровления финансов требуют восстановления частной, капиталистической собственности в полном объеме и с ней всемогущества буржуазной государственной власти.

Финансовые реформы народных комиссаров несут нас во все лопатки к восстановлению прочных капиталистических порядков, к реакции.

Единственное спасение революции может прийти от ликвидации государственного казначейства, уничтожения государственной монополии на чеканку монеты и заготовление кредитных знаков и передачи дела организации общественного кредита, как и вообще всех общественных служб, включая самооборону страны, самостоятельности народа, его содружествам и кооперативным объединениям.

Но большевистская власть, как и всякая, слепа и косна. Где ей поспеть за ходом истории, уловить запросы текущей жизни! Не пьяным от «яда власти» руководить трезвыми...

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 68, 25 мая.

13) Свободная торговля

Хлебный голод обостряется до высших пределов. Государственная власть лишней раз доказывает на практике всю свою хозяйственную несостоятельность. Все громче и шире раздаются голоса с требованием отмены хлебной монополии и «твердых цен».

Это требование исходит уже не только из стана «бывших» имущих классов и их идеологов — кадетов. Народные массы и широкие сознательные трудовые слои населения все упорнее настаивают на отмене хлебной монополии. Сами анархисты, взяв под свою защиту «мешочников», в сущности, тоже отстаивают свободную торговлю, при этом выходит, что они защищают самый нежелательный вид частной торговли, самую дорогую ее форму, наиболее поддающуюся крайним проявлениям спекуляции. Ведь «мешочничество», это — кустарная свободная торговля, и как всякий кустарный труд, оно обходится слишком дорого.

Такое парадоксальное явление, что крайние правые и левые сошлись на практическом выводе по отношению к хлебной монополии, вытекает из здравого смысла и из неотложного требования момента.

Перед необходимостью сохранить физическое существование народа должны умолкнуть доктрины и теории. Государственная власть всех трех сменивших друг друга политических порядков, проявила в достаточной мере полное свое бессилие в деле организации хлебного товарообмена по себестоимости и уравнительному распределению продуктов. Настало время предоставить эту сложную задачу общественной самодеятельности. Так поступают врачи у постели больного, когда они не вполне понимают ход болезни: они не мешают самоисцеляющим силам природы.

Но сходство в выводе и общность взгляда на запрос момента между анархистами и кадетами этим исчерпывается.

В дальнейшем кадеты под свободной торговлей понимают восстановление вместо твердых цен, твердых основ частновладельческого капитала и свободную конкуренцию. Для твердых основ нужна и «твердая власть». Вот почему партия, прислуживающая частному капиталу, с такой поспешностью и так позорно откинула «демократическую» маску на Украине и пошла служить единодержавной диктатуре.

Анархисты же, требуя отмены хлебной монополии, ни в коем случае не стремятся, подобно кадетам, поставить частную торговлю под покровительство «твердой власти». Еще меньше анархисты идеализируют «мешочничество». Анархисты, подобно врачам, наблюдающим игру живых сил общественного организма, говорят:

«Смотрите, какое обилие потребительских кооперативов расплодилось по всей стране, особенно в больших городах. Все они стихийно стремятся объединиться между собой в союзы. В Петрограде даже образовалась общегородская кооперативная биржа. Не мешайте кооперативам свободно производить свои закупки. Их объединение в биржи даст возможность регулировать выдачу нарядов на провоз

продовольственных грузов, с соблюдением справедливой очереди и учитывая нужды каждого кооперативного объединения населения.

Благодаря кооперативным биржам, разные группы населения будут осведомлены об имеющихся у них излишках запаса продуктов и смогут с взаимными выгодами производить их обмен.

Кооперативная биржа объединит личную инициативу свободной торговли с общественным началом государственной монополии. Из первой она устраним отрицательные стороны спекулятивной конкуренции и побуждения личной наживы, из второй — бюрократическую рутину и дорогостоящие продовольственные организации».

Вот как понимают анархисты свободную торговлю. И это понимание — не измышление отвлеченной мысли, а продиктованный самой жизнью урок.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 67, 24 мая.

14) Безработица и трудовая дисциплина

Наша государственная машина работает полным ходом — без «передышки».

Не проходит недели, чтобы не состоялся то «съезд», то «совещание» тех или иных правительственных органов.

Люди всерьез озабочены.

Все представители разных отделов комиссариатов, комитетов и советов, снуют, мечутся, хлопочут.

А тут какие-то Мирбахи и Хаиль-беи лезут со своими докучливыми нотами.

Так и напрашиваются, чтобы им показать... кулак в кармане.

До них ли теперь вершителям наших судеб? Тут некогда и дух перевести.

Нельзя же лицом ударить в грязь: мировой пролетариат с вершины капиталистической пирамиды смотрит на их работу.

Благо Москва не горит пламенем, а лишь медленно разлагается, тлеет. Не бегут из нее новоявленные Наполеоны.

Шутка ли сказать! Они созидают, ни больше и ни меньше, как «социалистический строй».

И непременно во всероссийском масштабе, в пределах «советского оазиса».

Строят социализм.

Руками самих ли рабочих? Всех ли трудящихся?

Что за наивный вопрос!

Нет, конечно. Руками разумных, надежных, признавших советскую власть чиновников.

Чем быстрее вертится правительственное колесо, тем оглушительнее скрипит ржавая, негодная государственная машина.

На днях состоялся съезд комиссаров труда.

О чем они там толковали?

Да все о том же, о безработных.

Их число все растет, их ряды все ширятся.

Все ближе и ближе, уже вплотную нагнала нужда на рабочих без работы. Тают долголетние сбережения, разоряется домашний уют, заботливо собранный вещичка за вещичкой, донашивается одежда, хиреют жены и дети.

А работы все нет, да нет, — и не предвидится...

Я встретил случайно молодого человека. Едет от одного из центральных учреждений в Америку за «информацией». Едет за справками, как установить с Америкой торговлю и тем оживить нашу промышленность.

Умный, образованный, энергичный парень, неунывающий. Даже надеется... в пути научиться говорить по-английски.

Он всё знает, хорошо знает, что нам нужно из Америки.

Я даже не дал себе труда запомнить. К чему запоминать?

Ведь правительство «национализировало» внешнюю торговлю, само ведает и заботится о всех наших нуждах.

Молодой человек рассказал при мне, что еще со времен правительства Керенского стали считать, сколько у нас кожи. Теперь уже досчитали и нашли, что у нас много лишней кожи. Так вот, эту лишнюю кожу нужно содрать, отобрать и сырой отправить в Америку.

Позвольте! А наши безработные кожевники?

Ну, они подождут. Они пусть займутся «строжайшим учетом» и «безусловно равномерным распределением» своей нищеты по рецептам Ленина.

Мой молодой человек еще вслух размышлялся, как бы притянуть американские капиталы в наш «социалистический оазис». Но так и не объяснил мне, как примирить «наш» социализм с «их» капитализмом?

Недавно приехал в Москву сын знакомого крестьянина, — сапоги купить. Привез муки.

Его отец — зажиточный мужик. Своим трудом все своё добро нажил, никогда батрака не нанимал. Вот сыновья подросли, пособляют по хозяйству.

У мужика — четыре лошади. И кормит их... месивом из муки. Тоже ведь работники — ухода требуют, и любит он их.

Близко от Москвы живет, всего каких-нибудь 6–7 часов езды. Но ни за какие посулы не назову ни имени, ни села.

Донос доносом, предательство предательством, подлость подлостью останутся, если даже подписаны властью, утверждены законом, — социалистическим, в самом «советском оазисе».

На замечание: «Да как же так?.. Лошадей мукой... Когда...», он указал на свои новые сапоги, — триста целковых за них заплатил.

Дайте мужику не «твердые цены» бумажками без цены, а твердую сталь, прочную обувь, красный ситец, и будет у нас хлеб в изобилии.

Даже из Украины привезут. От немца упрячут, — у того тоже товара нет, — и к нам привезут.

Чтобы иметь товар, нужна работа. Комиссары же труда на съезде говорили, что у нас, кроме безработицы, «катастрофическое падение производительности труда... Местами производительность упала до 80%».

Что это значит? Не саботаж ли это?

Да, это форменный, самый настоящий саботаж.

Это значит, что вы, товарищи — государственные социалисты, не упразднили капитализм, а превратили его из частновладельческого в государственный. Ведь давно же известно, что государство — самый плохой в мире хозяин.

Это значит, что, урезав все права капиталиста, или упразднив их, вы не сделали рабочего хозяином своего труда, а лишь заменили старого хозяина новым — государственной властью.

Что же решили комиссары труда? Как пособить беде?

Они решили поступить так, как поступает каждый хозяин: «установить правила трудовой дисциплины».

Они решили фабрики, заводы и мастерские превратить в казармы и предоставить профессиональным союзам право устанавливать «правила трудовой дисциплины».

Никто из комиссаров труда не дал себе труд подумать: почему это крестьяне без «норм» и без «правил дисциплины» в страдную пору работают от утренней зари до поздней ночи?

Что же, крестьянин из иной глины, чем рабочий? Более развит? Более образован?

А не потому ли, что крестьянин знает: сам пожнет все, что посеял?

Рабочий же в их «национализированной» промышленности отлично сознаёт: сколько ни работай, все равно весь излишек сгинет в ненасытном брюхе чиновнической-красноармейской «социалистической» республики!

Сделайте рабочих хозяевами своего труда приемами кооперации. Не мешайте всем трудящимся всего общества использовать на кооперативных началах весь общественный капитал, все фабрики, мастерские, промысла, и у нас поднимется производительность труда до полного объема.

Загудят гудки, завертятся колеса, застучит молот, закипит работа, заснут поезда, поплывут пароходы, расцветет производство.

Труд, освобожденный от корысти капиталиста и от гнета власти, скопить богатства.

Наш свободный кооперативный социализм не похож на их государственный.

Их социализм — завистливый, протягивающий цепкие руки власти за каждым лишним пудом хлеба, сеющий междоусобную войну, губящий душу доносами, оплачивающий предательство, — не наш анархистский социализм.

Наш социализм — равенство в «довольстве для всех».

Их социализм — равенство в нищете для всех, в нищете материальной и духовной.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 70, 28 мая.

15) Завоевания революции

Большевистская власть переживает трудные времена.

Большевистская власть близка к краху.

Ужасно не любят политические партии расставаться с властью.

Чем ближе конец их господству, тем упорнее они цепляются за власть, за «кормило власти», за «бразды правления».

Даже когда от управления осталась одна фикция, и корабль государства несется беспомощно по волнам стихии.

Чувствуя, как уплывает почва из-под ног, большевики судорожно мечутся, творят вопиющие насилия одно за другим и стараются уверить народ, что без них, без их власти, погибнут все «завоевания революции».

Завоевания революции... Какой злой иронией звучат эти два слова в применении к нынешней действительности!

Мы мечтали завоевать революцией прежде всего свободу: свободно говорить, свободно печатать и распространять напечатанное, свободно сходиться, не быть арестованным, обысканным, посаженным в тюрьмы чиновниками власти.

Что же, мы всё это имеем?

Не запрещают сходки? Не закрывают газеты? Не штрафуют их грабительски? Не арестовывают сотни и тысячи людей? Не обыскивают и не гноят их в тюрьмах?

Мы мечтали завоевать святость и неприкосновенность человеческой жизни, упразднить смертную казнь.

Что же, в застенках чрезвычайной охраны не расстреливают людей по усмотрению чиновников социалистической власти? И с циничной беззаботностью нравственно неменяемых, озверевших мозгов, не афишируют свои «постановления» об убийствах?

Мы мечтали обеспечить для народа полное пользование плодами своего труда, упразднить всех паразитов, дармоедов.

Что же, не объедает народную казну новое чиновничество, развившееся до неслыханных размеров?

Не прибавилось ли еще к чиновникам дорогая и бесцельная наёмная армия? И не высасывают ли последние соки из голодающего народа?

Не подстрекают рабочих на крестовый поход в деревню? Не снаряжают ли отряды с хламом обесцененных бумажных денег и... со штыками и пулеметами?

И с товарами, мануфактурой, скажут иные.

Товары, образцы товаров берутся только для отвода глаз. Товары и без штыков нам принесли бы хлеб даже из чужбин нынешней России, из былых окраин.

Посылают вооруженных рабочих и наемных солдат насильственно отнять так называемые излишки хлеба у крестьянина.

И чем определяется размер этого излишка? Кто обеспечит крестьянина, кто страхует его существование на случай неурожая, если он сам не припасет?

Настоящие излишки народ от чистого сердца отдаст совсем даром своему голодающему брату. Не погасла лампада любви в сердце народном.

Подошла ли революция к нему с проповедью братской любви, солидарности, всеобщей взаимной помощи?

Или мы не слышим от чуждых народу наносных верхов власти, только исступленную проповедь гражданской войны? Только проповедь крови, насилий, разъединения на пользу беспощадному внешнему врагу со стальными канатами вместо человеческих нервов и без совести?

Завоевания революции... Землю ли завоевала революция для народа? Землю, которую нечем обработать, нечем засеять? Земля же, которую обрабатывают и засеивают теперь, эта земля и до революции принадлежала крестьянину.

Завоевания революции... Контроль ли это над промышленностью или «национализация» фабрик и заводов?

Да полно насмехаться, когда промышленность изо дня в день разлагается и выбрасывает на улицу массаи рабочих!

Что перечислять! Революция еще ничего не завоевала. Революция находится в стадии разрушения.

Из старых устоев уцелел только один — государственная власть.

Власть находится сейчас в руках партии социалистов-большевиков, и они мнят себя властью революционной. Они завопят о гибели самой революции, если власть ускользнет из их рук.

На самом деле власть сама нас несет на всех парах назад, к контр-революции, тем, что не дает развиваться свободной самодеятельности народа в единении с профессиональными знаниями, чтобы вывести жизнь из всеобщей разрухи.

Подобно тому, как капитализм и помещичье землевладение делили народ на богатых и бедных, так власть делит нас на властвующих и подвластных, власть делит трудовой народ на два враждебных лагеря.

Настоящие «завоевания революции» мы начнем приобретать лишь тогда, когда уничтожим последний пережиток прошлых привилегий — государственную власть.

Только тогда профессиональные союзы трудящихся — синдикаты, и их экономические объединения — кооперативы, получат широкий размах для своего развития и обеспечат деятельность общественных служб, производство, товарообмен и справедливое распределение продуктов, без армии паразитов-чиновников и без произвола и сумасбродств государственной власти.

Не задача анархистов поддерживать те или другие политические партии в их борьбе между собой в погоне за властью.

Не тактика анархистов входит в соглашения с политическими партиями.

Историческое призвание анархистов, их задача данного времени поднять народ для упразднения самого начала власти.

Только этим путем революция станет на верный путь социальных завоеваний.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 80, 8 июня.

16) Пощадите душу!

(К постановлению о снятии памятников в Москве к 1 мая 1918 г.)

Я не эстет. Ни одним из изящных искусств не владею — даже как любитель. Но я человек, и не чужды мне чувства людей.

Памятники — это прошлое, это — сама минувшая жизнь, это её — душа, с правдой и ошибками, с взлётом ввысь и с буднями нанизу.

Из песни слова не выкинешь, из истории страницы не вычеркнешь.

Не разрывайте чужих могил, большевики! Если вам нужна новая могила, для ваших ошибок, — ройте рядом...

Более здоровые души будущих поколений, более проникнутые любовью, — их пощадят.

Моя душа болит, — болит физической болью, что завтра не увижу «опального генерала» на коне, не увижу вдохновлённых солдатиков вокруг.

Пусть их вдохновил «деспот», пусть их гнала к Царьграду «корысть», но чем же их вдохновили, от генерала-слуги до мужичка-солдата?

Они стремятся, они спешат, — и генерал, и солдаты вокруг, — на помощь к братьям славянам.

Он мчится, они бегут заслонить своей грудью от занесённого ножа башибузука утробы матерей, беззащитных детей, сестёр, братьев, стариков...

Пусть Германия отравила жизнь спасённых ядом своего ставленника Фердинанда, пусть она всучила предательское оружие сыновьям освобождённых и погнала их против освободительницы-России, но они — «опальный генерал» и солдатики кругом, чем же они-то виноваты?

Я — анархист, но не меньше вас люблю свободу.

Пощадите душу «опального генерала» и солдатиков вокруг, пощадите взлёт духа великого народа и великой эпохи!

Я вас прошу:

Не огорчайте старушку-Москву!

И если вы содеяли уже зло, то это зло поправимое:

Утешьте старушку-Москву!

30-го апреля 1918 г.

17) «Рукопожатия отменены»

(Посвящаю коллегам врачам Вересаеву-Смидовичу и Семашко)

Не для анархистов я пишу. Не для анархистов, которые, когда кучка решительных заговорщиков подняла народ для захвата власти, пошли с народом против власти.

Не для анархистов, которые в час колебаний других, когда исход борьбы ещё был сомнителен, не поколебались перешагнуть даже через свои начала, не поколебались рискнуть всем вплоть до своей жизни, чтобы не оставить народ одиноким.

Пишу для той кучки большевиков-интеллигентов, которым всё дано: и образование, и воспитание, и глубина анализа, и сокровища знаний; которые, напялив мантию «рабоче-крестьянской» власти, подвизаются на подмостках жизни; — пишу для тех, которые в час торжества грубой силы ликуют с властью, устраивают торжества, топчут чувства и страдания народные.

Пишу и для тех, которые заглушили крик души, вошли в сделку со своей совестью и пошли служить власти.

Пишу для «рабоче-крестьянской» интеллигенции.

Вы были там?

Там, на Большой Лубянке, в доме № 11?

Приём «просителей» от 11 до 2 ч. дня.

Чрезвычайно, чрезвычайно интересно!

Там заседает всероссийская (слышишь, Николай «всёя России», от Карпат до Владивостока и от Архангельска до Закавказья?), всероссийская чрезвычайная комиссия по..., там заседает попросту «социалистическая охранка».

О, зайдём, зайдём скорее! Чрезвычайно, чрезвычайно интересно!

Вывеска: «Страховое о-во *Якорь*». Но вы не смущайтесь. Страхование — буржуазный предрассудок, оно совершенно нам не нужно. Мы ведь, коммунисты, всех обеспечили, и нет на улицах ни нищих, ни калек, ни стариков с протянутой рукой.

Власти упразднили страхование и учредили... охранку. Не третье, а «первое отделение», самое необходимое для большевистской власти «отделение».

Вот и «операционный» зал. Войдите, не бойтесь, — здесь люди добрые.

Вот налево, за барьером, стол по «ликвидации дел анархистов». Помните, в октябре, в советах был «стол анархистов», даже с телефоном. Так вот, тот самый стол, за минованием надобности, упразднили, перенесли сюда.

За столом сидит, — прошу познакомиться, — барышня — «товарищ» Шилова.

Смотрите, какая она изящная, эта рабоче-крестьянская «труженица». Золотые волосы, золотые серьги одалиски, нежная кожа обнажённого бюста... Вы не смущайтесь, — она добрая! И золотое сердце у нее... Но отчего это сердце болтается на груди, на золотой цепочке через шею, а не бьётся там, внутри?

«Ликвидация дел анархистов»? Что за недоразумение? Ведь анархистов не преследуют, а преследуют только тех, «бандитов».

Как раз напротив «стола бандитов» — окошечко. Надписи: «Казначей», «Не проверив, не отходить», «Время — деньги» (что за буржуазное понятие!) и главная, самая главная надпись — «Рукопожатия отменены».

У «стола» и перед «окошечком» — два хвоста.

Налево хлопочут о «бандитах», направо «честные» люди получают плату за «честный труд».

Налево лохмотья, сумрачные, измождённые лица, судороги страданий, страх за жизнь близких, вздохи...

Направо — новенькие обмундировки, сияющие, цветущие лица, весёлые смешки и шутики, шуршание новеньких кредиток...

Налево — стоит жена «бандита» Чеснова, Петра Андреева. Молодая, опрятно одетая в поношенную одежду. В пыли канцелярии, в надышанном воздухе мерно раскачивается у неё... трёхмесячный ребёнок на руках. «К мужу... пропуск... третью неделю ходит... Там, дома, ещё двое, 3-х и 5-ти лет... Нужда...» Всплакнула, прильнула губами к младенцу «бандита» Чеснова.

А напротив — люди «честные», наймиты, шутят, гогочут у кассы на гортанном наречии после праведных трудов.

Вот старушка, мать «бандита» Костельцева. Согбенная, маленькая, с палкой в руке, заплаты на плечах, забрызганный грязью подол, искривлённые каблуки. К сыну просится, к «анктросту», или как там иначе, не знает; говорит, улыбается, а через секунду лицо застыло в холоде жизни. Послала ему табак и что нашла, что урезала у себя съедобного. Пишет: «Мама, приходи на свидание»... К чему «бандиту» беспомощная нищенка-мать? Иль он её любит?.. Но почему же он, он, «бандит», он, «грабитель», не приодел, не обул из награбленного свою старушку, свою любимую мать?..

Мужик в очереди ждёт. Широкие плечи, высокий лоб, всклокоченные волосы, рыжая борода, мозолистые руки. К сыну, пятый день ходит, время гуляет. К сыну, к Чугунову Павлу. Плотник, два года на фронте был; вернулся — в красную гвардию поступил, опять пошёл на фронт. Ихнюю дружину крепко помяли, вернули в Москву на пополнение. Всего полторы недели, «как в анархисты записался». «Не расстреляли бы, жив бы остался. Вот, говорят, вожаков 50 душ расстреляли»... — в голосе звучит тоска... Подходит к барышне, к «рабоче-крестьянской власти», почтительно снимает шапку, просительно гнёт шею...

Вот ещё старушка. Какая она измождённая!.. Бледное, худое-худое лицо испещрено густой тонкой сетью морщин. Простоволосая. На шее буро-зелёный платок, парусиновый фартук с голубой каёмочкой на низу.

«К сыну, Булыгину Ивану Алексееву... Мочи нет стоять... Колени подгибаются, голова... темнеет в глазах... Молвите слово, ваше благородие, вас послушают!» — обращается ко мне. Сколько, сколько у этих «бандитов» привязанностей и чувств, сколько вокруг них горя и страданий...

Барышня — «товарищ» всё пишет, всё пишет... Золотое у неё сердце... на груди на золотой цепочке через шею...

А к окошечку напротив, с надписью: «Рукопожатия отменены» всё подходит, всё подходит, и русские, и иностранцы, и... студенты. Лица сияют, самодовольно гогочут, кредитки шуршат...

Впервые напечатано: Анархия. 1918. № 59, 15 мая.

18) «Звериные мозги»

Из всех эпитетов, которыми награждали исступленные большевики во время октябрьского восстания своих противников, особенно ярко запечатлелись в моей памяти эти два слова: «Звериные мозги».

«Звериные мозги»... Этими словами ответили замоскворецкие большевики на призыв из центра прекратить бойню и приступить к переговорам.

«Звериные мозги»... Эти два слова неотвязно звучат в моих ушах с того дня, как по простому устному распоряжению кого-то из чрезвычайной комиссии щелкнул курок винтовки, и пуля сразила молодую жизнь идейного труженика на социальной ниве, дорогого товарища Ходунова...

«Звериные мозги»... Едва воспоминания начинают сглаживаться, память забывает, новые и новые распоряжения чрезвычайной комиссии о расстрелах, пробуждают уснувшие кошмарные воспоминания.

Какие мозги должны иметь люди, которые хладнокровно обсуждают между четырех стен, вдали от света, тайком от общественной совести, вопросы о жизни и смерти себе подобных, не дав возможности несчастным, попавшим в их хищные когти, защищаться, оправдываться?

Звери, и те так не поступают с себе подобными!

Кучка людей за определенную плату, за столько-то в месяц, «работает» во славу власти, почему-то прозванной рабоче-крестьянской.

Кучка, из среды которой то и дело разоблачаются разные негодяи, и неизвестно на ком остановится последнее разоблачение!

Эта подозрительная банда имеет бесконтрольное право распоряжаться жизнью и смертью каждого из нас.

Никто не гарантирован, что какой-нибудь предатель, не сделает на него ложный донос, и он не будет схвачен и расстрелян по простому усмотрению «звериной комиссии».

Кому нужны эти расстрелы? Для какой цели льется кровь?

Для предупреждения контр-революции? Для защиты завоеваний революции?

Слепые, тупые, их «звериные мозги» не сознают, что своими административными расстрелами они сами попирают самое раннее, самое святое завоевание революции — отмену смертной казни.

Товарищи, рабочие и крестьяне, ведь это вашим именем расстреливают людей, даже без суда и без гласного следствия!

Жандармы Николая больше считались с ценностью человеческой жизни.

Это во имя советов рабочих и крестьян убивают людей в застенках.

Те, кто присвоили себе имя народных комиссаров, умыли себе руки. Они свалили с себя ответственность за анонимную комиссию.

Товарищи, рабочие и крестьяне, и вы, собратья по перу, все, в ком теплится чувство человечности, возвысьте свой голос, крикните власти, называемой «народной»:

— «Довольно крови! Прекратите расстрелы безоружных, кто бы они ни были! Нам не нужна кровь. Никакая контр-революция не может прийти, пока сами трудовые массы не откажутся от революции.

«Своими административными расстрелами вы отчуждаете идейные трудовые массы не откажутся от революции. Ими вы сами подготавливаете контр-революцию».

Вся ответственность за проливаемую кровь лежит на совете народных комиссаров.

Привлеките их к ответу.

Голос народной совести будет услышан, он должен быть услышан.

19) Ухарь-купец

Удивительные причуды имеет история. Тени давно похороненного прошлого невидимыми нитями держат и направляют настоящее.

Так, до февральской революции, под мистическим ореолом «Божьей милости», Россией правил дух — не либеральной буржуазии, а давно упраздненного помещика-крепостника. Самодержавие распорядилось жизнью, свободой и достоинством своих крепостных, своих «подданных» по своему усмотрению. Но в нем проглядывала все-таки заинтересованная забота хозяина о своем добре, ревнивое оберегание своей вотчины от загрубевших рук завистливых соседей.

Кто же теперь Россией? Чей дух владычествует теперь над великой, безвольной русской землей? Кто позорит теперь имя рабочих и крестьян, подобно тому, как самодержавие позорило ложную, но все-таки по существу своему философскую, чистую идею о Боге?

Дух помещика-крепостника воплощался в самодержце Николае, чей дух воплотился в самодуре Ленине?

Достаточно ознакомиться с последними выступлениями «главы нынешнего правительства», фактического «верховного хозяина» земли русской и разума правящей коммунистической большевистской партии, чтобы ответить на этот вопрос:

Россией правит ухарь-купец!

Разойдется, бывало, ухарь-купец, бьет дорогую посуду, разбивает кристально чистые зеркала и в пьяном угаре вопит:

— Заплачу! За все заплачу! Все куплю!

Так Ленин со своей пьяной компанией, — пьяной от «подлого яда власти над людьми», — разгромил, разнес, сознательно разрушил всю Россию.

Не обновил, а разрушил ее самооборону.

Не объединил, а вооружил друг против друга разные трудовые слои населения.

Не сплотил народы, а разъединил их, не только вне пределов «державы Российской», но и в самой России.

Ухарь-купец учинил погром над всей Россией и за все теперь платит, все покупает.

Ответственный «глава правительства» с поразительно циничной откровенностью, допустимой только у умственно неуравновешенных, исповедует:

«Мы бессильны сейчас против внешних врагов»... Ухарь-купец преднамеренно умалчивает, чей кулак разбил хорошую или плохую, но всё-таки народную оборону.

Ухарь-купец тут же беззаботно начинает покупать «красную» опасную и дорогую игрушку, начинает набирать армию из голодных русских, латышей и даже... китайцев.

Ухарь-купец — великий реформатор: он создает для своего господства новый вид пролетариата, — пролетариата, продающего не только свой труд, но и свою кровь, чтобы прокормить и себя, и свою семью.

Такая армия, быть может, окажется пригодной для опоры трона большевистской партии... покуда будет получать хорошую плату, но она совершенно бессильна для внешней обороны страны.

Ухарь-купец, без ума и знаний, подбирает отбросы англо-американского капитализма — наемную армию.

Невежественный и грубый, ухарь-купец улюлюкал, подстрекал против пролетариев умственного труда, — пусть привилегированных в известной части, как и квалифицированные мастеровые по отношению к чернорабочим, но все же пролетариев научных знаний.

Теперь же ухарь-купец смилостивился, согласился «на очень высокую оплату крупнейших из *буржуазных* специалистов» (без человеческого достоинства и воспитания ухарь-купец и тут не удержался, чтобы не сквернословить). Ухарь-купец даже отваливает деньги за свою покупку, от 25 до 50 миллионов на «тысячу» рыл!

Ухарю-купцу не купить труда ни крупнейших, ни средних, ни мелких тружеников науки и специальных знаний ни деньгами, ни физическим гнѐтом, как не запечатлеть ему своей дрянной физиономии в кристально чистом зеркале: он может только его разбить.

К нему не пойдут служить идейные люди, а лишь отбросы интеллигенции и голодные рабы.

Пролетариат умственного труда останется с народом, но не в роли «приспешника» власти.

Но самая отвратительная выходка ухаря-купца, это — когда расплачиваясь за свой пьяный угар свободой окраин России, чтобы спасти «советский оазис» своей власти от наседаящих внешних кредиторов, ухарь-купец, Ленин, еще издевается над проданными им за призрачную власть окраинами России.

Можно ли себе представить что-либо более отвратительное, чем издевательство Ленина над Закавказьем, истекающим кровью в неравной схватке с турецко-германским нашествием. Цинизм Ленина тут не знает уже предела.

— Они заявили уже о том, — говорит он, — что не признают брестский договор. Это заставило турок двинуться вглубь Закавказья... В результате они пожнут то, что пожала украинская рада...

Брестский договор, чтобы спасти «советский оазис», предал черноморское Закавказье вплоть до «глубины» кавказского хребта и с оплотом его свободы, крепостью Карсом, даже не немцам, все-таки хоть сколько-нибудь «культурным» (пусть в кавычках) европейцам, а турецким башибузукам, — тем самым башибузукам, которые вырезают и в мирное время целые слои населения, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

У Ленина не застыла кровь в жилах, не присох язык во рту упрекнуть Закавказье, что оно не признало брестский договор...

Цинизм Ленина, ухаря-купца, торгующего свободой народов для спасения своей власти над «советским оазисом», граничит с безумием.

Кто знает, быть может, будущие историки и психиатры установят, что он был невменяем, но это оправдывает только пьяного от «яда власти» ухаря-купца.

Чем же оправдывается русский народ, особенно его безвольные сознательные слои?

20) Будь ты вечно проклята!..

(впечатление от выступления Троцкого на митинге 14 апреля 1918 г.)

Я его видел, я его слышал...

Еще молодой, черные волосы волной, нос крючком, спина дугой, вытянув палец, он метался по эстраде.

Через очки преломляется уклончивый взор, холодный пот струится с бледного лица.

С нахальством, с бахвальством, облеченный властью, он ответ держит перед толпой во власти тьмы.

— Да, они подписали Брестский мир, мир *позорный*, мир *грабительский*, но... они платили по чужим вексям.

Так говорил приказчик из лавочки всемирно-пролетарских Народных Комиссаров.

И не всколыхнулась толпа, не забушевала стихия, не прогремел глас народный:

— А ваш-то вексель, выданный мне — народу, подписанный вашей рукой, о мире без аннексий, без контрибуций, на основе свободы, куда же вы его дели?

Не забушевала стихия, не запенилась гневом, не призвала к ответу:

— Кто вас уполномочил моим именем, именем народа, платить по чужим вексям?

Молчала толпа... И в это время с далекого юга до истерзанного *сердца России* долетел зловещий, леденящий душу вопль:

«Завладев Ваном и Сарыкамышом, регулярные турецкие войска продолжают наступление к Батуму. На всём своем пути озверевшие турецкие орды убивают и терроризируют местное армянское население. При занятии Вана была устроена Варфоломеевская ночь...»

Царский министр Лобанов давно выдал вексель: «*Армения без армян*». Они уплатили его полностью, они, не предупредив даже нацию, не оговорив срок, признали подлежащим возврату всю турецкую Армению.

Затем они уплатили проценты, уступили половину Закавказья.

Зловещая телеграмма повествует дальше:

«Ардаган и ближайшая к нему местность Ольты заняты турецко-германскими частями. В этом районе турецкие войска были беспощадны по отношению к местному армянскому населению, они учинили резню армянского населения. Даже детям и старикам не было пощады...»

Вы оплатили по чужим вексям, а о вашем векселе чего молчите? Вы, лжецы, злостные банкроты! Не вы ли подписали: «армянам будет обеспечено право свободно определять свою политическую судьбу?..»

С его бледного лица, обвеванного предсмертным дыханием преданной нации, струился холодный пот. С нахальством, с бахвальством, спина дугой, вытянув палец, он метался по эстраде:

— Мы платим по векселям русской буржуазии международному капиталу.

Лжецы! Не вы ли ответили в Петрограде Грузинскому Национальному Комитету, что поддержите Закавказье, если оно станет на ваши позиции «классовой борьбы»?

Безумцы, слепые (о, если бы только слепые!), вы не протянули в последнюю минуту руку помощи вашей жертве.

Слепые, тупые (о, если бы только тупые!), вы не видите, что частный капитал убит войной, и что к Закавказью, к его залежам нефти, протягиваются щупальца государственного капитализма — государственного социализма германского промышленного пролетариата.

Облеченный властью, обливаясь холодным потом, уклончивый взор, спина дугой, вытянув палец, он метался по эстраде...

А там, на юге, — разорение, вопли, стоны, Варфоломеевские ночи, избиение и стариков, и младенцев...

Там идет новая власть.

Там шла власть феодалов — лилась кровь.

Там шла власть капитала — вырезывались целые поколения.

Там идет власть пролетариата — истребляется вся нация.

Хоть Имперская, хоть Советская, — будь ты проклята, вечно проклята, *власть!*

21) Пустоцветы революции

Нам говорят:

— Зачем вы травите большевиков? Ведь они все-таки социалисты. Они — уравни-тели. Они перешли от слова к делу.

Позвольте: кто же и кого травит?

В первый час их восстания, кто был с ними? Кто поддерживал их, — не словами, а делом?

В час торжества их партии самый скептический голос из нашей среды лишь сказал:

— «Лозунги большевиков, это — зарево назревшей общественной перестройки; из средства — отжившая государственность. Негодным оружием они затеяли завоевать новый мир».

Это ли травля?

Шесть месяцев, скрепя сердце, попирая свои начала, анархисты старались найти общий язык с большевиками.

Кто нарушил мир? Кто против кого начал травлю, — не словами, а делом?

Кто кого обстрелял, обезоружил, арестовал?

Кто расстрелял, не установив даже личность арестованного, незабвенного товарища Ходунова?..

Отвернемся от прошлого, предадим его временно забвению, хоть свежи раны и горька обида.

Не партийные счета мы сводим с большевиками.

Мы не травим большевиков, мы не нападаем на тех рабочих и крестьян, которые искренне поверили заре «назревшей общественной перестройки», которые наивно доверились «вождям», этим бесплодным пустоцветам революции.

Мы боремся против вскарабкавшихся до верхов власти, — против предержателей права на произвол и насилие над каждым из нас в отдельности, и над всем обществом в целом.

Какие они социалисты?

Разве они уравнители?

Разве это они перешли от идеи к ее воплощению в жизнь?

Наш социализм порожден ужасной войной.

Ее чудовищные размеры принудили власть, даже самодержавную, скрепя сердце, широко раскрыть общественную казну для применения коммунизма к миллионам, к десяткам миллионов беженцев и пострадавших от войны. Это она пробудила для этой цели широкую общественную самодеятельность, это она создала мощные

общественные союзы добровольным объединением всех, без партийных этикетов и демагогических лозунгов.

Самодержавие не сумело пойти до конца в ногу с народом.

Оно затеяло борьбу со стремлением общества к всеобщей взаимной помощи, к социализму, и — оно рухнуло.

Не война ли выдвинула широкие экспроприации частной собственности, под видом реквизиций?

Не война ли ввела начало контроля над промышленностью и торговлей?

Не война ли установила монополию на хлеб и иные продукты первой необходимости? И ввела их уравнительное распределение?

Когда же все это?

Все это было начато при самодержавии, и лишь продолжено временными и советскими властями.

Каким путем? Чьими руками?

Все три режима проводили начала социализма руками чиновников.

Все три режима ревниво оберегали свои прерогативы власти, чтобы творить произвол.

Разве не тем же путем идет советская власть?

Явно бессильная справиться руками чиновников с продовольственными задачами, разве не власть мешает своим тупым упорством живым силам народа, его кооперативным объединениям, взять дело продовольствия в свои руки?

А ведь давно союз домовых объединений Москвы, — Центродом, — просил передать продовольственные заботы в его руки, в руки самого населения, — даже без правительственной субсидии.

Власть бессильна обеспечить общественную безопасность, даже кровавым террором, даже вопиющими административными расстрелами.

А ведь не раз домовые объединения разных участков просили предоставить заботу об общественной безопасности им самим, опять-таки без правительственной субсидии.

Власть запрещает это им. Сама единственная активная контр-революционерка, власть боится общества, боится контр-революции... со стороны народа.

В белокаменной столице нужны жилища.

Для кого? Для народа?

Нет, для армии чиновников власти.

Что же? Власть энергично принялась за достройку многочисленных подведенных под крышу построек в городе? Принялись за ремонт старых? И, попутно, дает работу безработным?

Нет! Власть все теснит население. Все «вселяет» в частные жилища, и не только к «бывшим» богачам.

Куда же она девает те 40%, которые отбирает у населения из валового дохода домовых комитетов? Куда исчезают эти деньги, долженствующие идти исключительно на общественное строительство в прямом смысле слова?

Не на содержание ли социалистической охраны?

Не на содержание ли социалистических тюрем?

Не на содержание ли армии чиновников?

Не на содержание ли армии вооруженных наймитов, бессильных перед внешним врагом и всесильных над безоружным голодным народом?

Разве перечтешь в беглой статье все злоупотребления и злодеяния власти!

Шестимесячным «романом» мы умудрены опытом. Нас на мякине социалистической власти не провести более.

Мы, анархисты, всегда были народниками.

Мы всегда верили в творческие силы народа, при их объединении с научными знаниями и техническим опытом.

И переживаемая нами эпоха только укрепила нашу веру.

Мы, сознательные анархисты, стремимся просветить бессознательный народ по мере своего разумения, — научить его, по мере своего опыта.

Довольно морочили доверчивый народ чудотворными свойствами власти, как те, другие — чудотворными иконами.

Мы, анархисты, не верим в сверхъестественную силу законов, придуманных в уединении кабинета диктатором, или принятых на бурных и сумбурных собраниях тщеславных, до тупости самоуверенных партийных демагогов, — пусть они величают себя собраниями «народных представителей» или «съездами советов».

Мы лишь говорим народу правду о власти.

И все, что мы о ней говорим, относится к ним ко всем, — ко всем партийным пустоцветам, тянущимся к власти.

Целая пропасть отделяет нас от них.

Если уж кого винить в травле друг друга, то нужно винить большевиков в травле правых социалистов.

Если кого нужно винить в травле, то вините правых социалистов за то, что они нападают на большевиков.

Ведь у них у всех есть общий язык, общая тактика: захват государственной власти.

Наша критика — не травля. Наша критика — не партийная грызня.

Мы не грыземся, а боремся.

Мы не говорим о власти:

— Уйди прочь, чтобы нам самим сесть на твое место.

А ведь смысл борьбы политических партий, их вождей, — этих пустоцветов революции, — сводится к этой лишь цели.

Мы не травим большевиков, мы боремся с пустоцветами революции у власти.

Если они сегодня называются большевиками, то, естественно, не с мумиями фараонов и не с тенями императоров нам приходится скрещивать мечи.

Если же завтра власть перейдет к правым социалистам, то, будьте уверены, наши отношения к ней не изменятся.

Но если власть перейдет, при помощи германцев или союзников, нам безразлично, в руки «приспешников» единоличной диктатуры, как на Украине теперь, то вы все, товарищи, рядовые социалисты, — вы все, которые добиваетесь, чтобы орудия труда находились в руках самих трудящихся, а не служили средством для эксплуатации, — вы, все социалисты, равняйте ваш фронт: вы, нас, анархистов, найдете в авангарде.

22) Саботаж

Мысли выражаются словами, а словам соответствуют понятия о предметах и явлениях. Когда искажается смысл слов, то искажается и сама мысль, выражаемая словами.

Нельзя не протестовать против извращенного применения слова *саботаж*, направленного большевиками для уязвления своих политических противников.

Саботаж и *забастовка* — два совершенно разных понятия. Саботажник — раб, делающий вид, что работает, но портящий работу настолько, чтобы не быть обнаруженным; забастовщик — пассивно восстает, скрестив свои руки на груди, и открыто принимает на себя все последствия своего поступка.

Саботаж — противообщественен, нечестен, ведет к цели темными задворками; забастовка — открытая борьба, восстание культурного человека, избегающего по всякому поводу прямого бунта и кровопролития.

Поддерживающие «мир и дружбу» с германским милитаризмом, большевики переняли у последнего не технику реальной борьбы, а лишь макиавеллистические приемы, не гнушающиеся никакими средствами. Так большевики хотят позорить работников умственного труда за вызываемые ими же забастовки, называя открытую честную борьбу своих идейных противников — саботажем. Забастовка учителей, видите ли, была недопустима, «преступная забастовка», «не щадила детских душ». Забастовка же, примерно сказать, пекарей — допустима, она затронет лишь «детские желудки». Питание — низменная функция, но «души», — о, «души» — священные, неприкосновенны, особенно когда нужно гнуть всё и всех под иго большевизма.

Когда фармацевты забастовали *из-за своих материальных выгод*, это было допустимо, большевики не протестовали, хотя очевидно было, что врачи не могли лечить больных голыми руками. Но ведь то было при Керенском, а при Ленине больничные служители могли глумиться в одиночку и скопом над врачами при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, и врачи не должны были сметь отстаивать свою независимость, — тут уже борьба врачей являлась не забастовкой, а саботажем.

Начав с работников умственного труда, большевики постепенно «демократизировали» позорящий эпитет, применением его к типографским и иным обыкновенным рабочим.

Трудно себе представить большее лицемерие, более нечестное употребление слова *саботаж* для борьбы с идейными противниками. И это делают не только какие-нибудь безответственные писаки, невежественные низы, а сами «интеллигентные» вдохновители большевизма — Ленин и Троцкий.

По верхам можно судить о моральной цене партии, воскресившей средневековые варварские приемы гонений и истребления своих противников.

23) Государственная власть и народная оборона

«Услужливый медведь опаснее врага».

Роль услужливого медведя из басни сыграла и продолжает играть государственная власть по отношению к делу народной обороны.

Как бы она ни называлась, — божьей милостью — самодержавной, народной волей — демократической или властью советов — социалистической, — власть тяжёлым камнем уничтожила независимость, волю и хлеб спящего народа.

Какая причина мировой войны?

Нет сомнения, что она не результат злой воли отдельных личностей и даже не следствие политических режимов, а плод противоречий капиталистического хозяйственного строя и существования государственной власти.

Каковы бы ни были причины войны, для переживаемого исторического периода важно, что народ был поставлен стечением обстоятельств лицом к лицу с наличием войны.

Кто бы формально ни был прав или виновен, но война не аргумент, а голый, грубый факт насилий, поэтому инстинкт самосохранения подсказал народу необходимость самообороны.

Встрепенулось народное сознание для самозащиты, но руководить обороной взялась государственная власть, власть самодержавная.

Она согнала своей волей и по своему усмотрению все народы России от великороссов до полудиких тюркменов на поле брани. Она сотворила столпотворение вавилонское и объединила людей угрозами наказаний вплоть до смертной казни. Она поставила во главе этой орды... вы думаете — лучших специалистов военного дела, людей технических знаний и практического опыта? Вы ошибаетесь. Государственная власть поставила во главе армий карьеристов-генералов, безусловно «стоящих на платформе признания»... монархической власти.

Так впервые политика погубила у нас дело народной обороны.

Вспыхнула февральская революция. Она свалилась без усилий, как зрелый плод с дерева.

Новая власть взялась за реорганизацию обороны.

Что же? Вы думаете, хоть она стала искать специалистов военного дела, людей технических знаний и практического опыта?

Вы ошибаетесь. Государственная власть поставила народную оборону под опеку политиканов-комиссаров, «стоящих на платформе признания»... демократической выборной власти.

Под руководством комиссаров несведущие, неграмотные и полуграмотные люди стали выбирать механическим подсчётом голосов сведущих руководителей сложных специальных технических операций.

Результаты сказались во время июльского наступления.

Вслед за тем государственная власть повернула оглобли к неизбежному для всякой власти приёму принуждения и устрашения. Она ввела в армии смертную казнь.

Политика во второй раз погубила дело народной обороны.

Но вот вспыхнула новая революция, кровавая октябрьская, под главным лозунгом *мира*.

Мира ещё не было. Следовательно, необходимо было до поры, до времени продолжать оборону.

Что же? Вы думаете, новая власть, советская власть стала искать специалистов военного дела, людей технических знаний и практического опыта?

Не тут-то было! Новая государственная власть поставила народную оборону под руководство политиканов, «стоящих на платформе признания»... советской власти.

Недоучка Крыленко, окрыленный Шнеуром, победоносно взял ставку, стал «главноверхом».

Результаты: брест-литовский договор и полная беспомощность разрозненных народов России перед лицом внешнего врага, без пощады и совести.

Политика в третий раз погубила дело народно обороны. Государственная же власть опять вернулась к старым заблуждениям: к принудительному набору и смертной казни.

Кажется, вывод ясен. Услужливый медведь государственной власти опаснее врага.

Дело народной обороны не дело политиканствующих партий, ни монархических, ни демократических, ни государственно-социалистических.

Дело народной обороны — дело профессиональное, задача чисто технических знаний и опыта.

Как для пассажиров на быстро несущемся поезде безразличны политические и общественные верования машиниста, а важны его знание своего дела и опыт, так и дело народной обороны должно быть отделено от государственной власти и от вмешательства политики для передачи специалистам.

Три раза политика погубила дело народной обороны: при самодержавии, при временном правительстве и при народных комиссарах. Пора же научиться уму-разуму у истории.

Разрешение задачи народной обороны заключается в объединении профессиональных технических знаний с народной самодеятельностью — вот основная мысль моей статьи в «Анархии» под заглавием «Проблема свободной армии».

Пусть этот взгляд народнический, но ведь мы, анархисты, всегда были народниками, стояли за самодеятельность народную, просвещённую чистой и прикладной наукой.

Впервые напечатано: Анархия. 1918. 28.июня, № 96.

24) Уроки войны

В то время как социалистическая мысль у нас в России с поразительной косностью топчется в орбите не оправдавшихся или изжитых теорий концентрации капиталов, классовой борьбы и веры во всемогущество государственной власти для воздействия на ход общественного развития, любопытно отметить сдвиг в мировоззрении, так сказать, «капиталистически мыслящих» людей за время мировой войны.

Примером такого сдвига служит брошюра об «экономических уроках войны» французского гражданина г. Максима Викэра.

Этот интересный очерк представляет собой общую сводку экономических изменений, происшедших во Франции за время мировой войны.

Г. Викэр не специалист в прямом смысле слова, и еще менее анархист, поэтому именно любопытно проследить, как он старается «выяснить характер будущих экономических отношений, подвергшихся коренным изменениям за время войны».

Самая слабая сторона идеологии современного социализма у нас заключается в неумении усвоить, что процесс эволюции за время мировой войны не только не остановился, но, напротив, развивается ускоренным ходом.

Г. Викэр не впадает в эту ошибку.

Повторяя известную проповедь Бакунина: «дух разрушения — дух созидующий», перефразированную экономистом Лизисом в словах: «подобно всем разрушительным силам, война есть творческое начало», г. Викэр приходит к выводу, что «мы должны... извлечь из экономических уроков войны принципы экономической организации для мирного времени...»

Мы должны воспользоваться происходящей войной и работами по восстановлению разрушенного ею, для того, чтобы установить на земле более совершенный и более прочный в политическом и экономическом отношении порядок. Пусть для цивилизованного мира эта война явится началом новой эры...

Уничтожение экономических границ — вот идеал, к которому мы стремимся. В результате культурного прогресса и облегчения сношений мало-помалу стёрлись политические границы. Война должна привести к исчезновению экономических границ, этого остатка предрассудков прежнего времени».

Ещё одно маленькое усилие мысли, ещё немного больше договорённости, и г. Викэр поставил бы точки над всеми «i».

«Уничтожение экономических границ» на обыкновенном языке означает «упразднение межгосударственных таможен».

А если стёрлись и политические границы, то что же останется от современной капиталистической государственности?

Пока что за время мировой войны между народами обеих воюющих коалиций стали непроницаемые боевые границы как в экономическом, так и политическом отношении.

История завела человечество в тупик.

Две мощные государственные коалиции сцепились в смертной схватке. Победа той или другой стороны грозит рабством и обнищанием побеждённой.

Россия убедилась в этом на собственном опыте.

Нет той силы, которая обузда бы упоенных победой. Разум, совесть и заверения идеалистов в политике (не сомневаясь даже в их полной искренности) смолкнут, заглушатся криками ликований в час опьянения победой.

«Горе побеждённым!» — вот железная логика войны. Народы, втянутые в эту войну, ясно сознают положение и напрягают последние силы, расточают остатки своих богатств для самозащиты.

Какой же выход из создавшегося положения?

Выход нужно не придумывать, а предусмотреть. Если война затянется до тех пор, пока обе коалиции истощатся до такой степени, что *la bataille finira faute de combattants* (сражение окончится за отсутствием бойцов), то тогда может установиться тот международный строй без политических и таможенных границ, о котором говорит г. Викэр.

В противном же случае, если победит одна из сторон, то сохранится современная капиталистическая государственность с политическими и экономическими границами, и перед человечеством откроется новая полоса кровавых международных и гражданских войн, внутренних смут и жестоких революций, в сравнении с которыми померкнет всё то, что творится сейчас в расчленённой России.

Дилемма жестокая, но неизбежная.

Её более безболезненное разрешение заключается в международной пропаганде осуществления нашего анархистского понимания будущего международного строя без политических и экономических границ, а до тех пор необходима самооборона до конца.

Этот вывод невольно вытекает для вдумчивого читателя также из этюда г. Викэра.

В заключение два слова относительно вопроса об «обществе», или «союзе народов», которого касается в своей брошюре автор.

Строго говоря, эта идея, как её не называйте, предполагает сохранение государств с политическими и экономическими границами. Она едва ли может вывести человечество из варварского периода международных войн.

Опыт гаагских конференций, инициатор которых так трагически погиб жертвой последствий войн, которые он хотел, но был бессилён предупредить, — опыт гаагских мирных конференций должен был нас убедить в этом. Ведь там тоже предполагалось объединить народы, организованные в строго отмежеванные государства, в союз для ограничения вооружений и предупреждения войн.

Результаты налицо.

Если идеал демократии, по определению г. Викэра, заключался в том, чтобы «обеспечить и укрепить благосостояние наибольшего числа людей и даже, если возможно, всего человечества», то и международный путь к этому идеалу тоже намечается автором разбираемого доклада. Это, по счастливому выражению г. Викэра, *кооператив наций*.

Свободное кооперативное объединение промышленных центров с близлежащей деревней (земством) в хозяйственном и общественном отношениях на каждой дан-

ной географической территории, без практически неосуществимого разграничения населения по национальным признакам — вот как мне представляется самоопределение народов.

Затем, сплетение таких территориальных кооперативов в международном отношении, без политических и таможенных границ, — вот тот будущий строй, быть может, очень близкий в наш век феерического развития истории, который вырисовывается, как результат мировой войны, не только для нас, анархистов, но и в понимании, не вполне ещё оформившемся, части наших противников из капиталистического лагеря.

25) Политический атеизм

Из всех политических и общественных течений только анархистское движение не имеет законченной, обязательной для своих сторонников теоретической и практической программы.

Некоторые видят в этом слабость анархизма, но в этой особенности вся жизненность нашего учения.

Анархизм не претендует подвести всю общественную жизнь под заранее намеченные готовые исторические и законодательные формулы, как к тому стремятся в своих программах все партии, признающие государственную власть.

Анархизм не рассматривает общество как сложное, живое, развивающееся целое, вечно меняющееся во времени и пространстве, разнообразное в своих местных, конкретных особенностях, как сама природа.

Анархизм избегает выставлять застывшую формулу-программу этого развития.

Анархизм не претендует на открытие *своих* особых законов социального развития, как он не покушается на навязывание всему обществу обязательных принудительных государственных законов.

Анархизм только следит за развитием теоретической общественной науки, чтобы вовремя извлечь из неё практические уроки прикладной науки.

Но при этом анархизм, в лице своего учителя П.А. Кропоткина, сделал ценные вклады в теоретическую науку об обществе, или социологию, целым рядом трудов по критическому анализу современного общества и его исторического развития («Речи бунтовщика», «Хлеб и Воля», «Взаимная помощь, как фактор эволюции», «Поля, фабрики и мастерские», — исследования по децентрализации промышленности, исторические изыскания и т.д.).

В области практической деятельности, анархизм наложил отпечаток своего мировоззрения на профессиональное (синдикалистское) и кооперативное движения, и продолжает оказывать это влияние в возрастающей степени.

Если бы социология была законченной наукой, то, конечно, анархисты могли бы из неё составить сжатое практическое руководство прикладной социологии, т.е. написать свою практическую программу.

Но в том-то и беда, что наука о возникновении и развитии обществ далека ещё от точных наук.

Мало того, задача осложняется ещё тем, что в социологии сам исследователь, человек, — является предметом собственных же изысканий и потому не вполне может отрешиться от субъективной оценки переживаемого времени. Субъективные явления, — чувства и мысли, — легко передаваясь другим людям и народным массам, разве не влияют на самый ход истории?

Вследствие вышеизложенного, вдумчивые анархисты давно перестали писать программы для своих единомышленников, или вообще для ознакомления общества со своим учением.

Но в чём же суть анархизма?

Анархизм, это — отрицание государственной власти, — отрицание права за человеком властвовать над другим человеком, равным с ним в правах.

«Анархизм оспаривать можно не принципиально, а только *тактически*. Анархия безусловно хороша, но она *не применима* при данном несовершенном состоянии человеческой природы», — говорит один из наших «тактических» противников, профессор Н. Алексеев.

Но позвольте вас спросить, гражданин профессор:

— Как вы думаете, если человека при «несовершенном состоянии его природы» облечь властью, от этого улучшится ли его «природа»? А ведь государствами правят не совершенные боги с неба, а люди!

Анархизм давно доказал полную несостоятельность стремления обосновать государственную власть на абстрактной несуществующей воле народной массы: всего общества или класса — безразлично.

Общественная власть не более логично может опираться на народную волю, чем монархическая — на божью милость.

И та, и другая теория — грубые фикции.

Это прекрасно сознают наши «тактические» противники, говоря: «Анархизм оспаривать можно не принципиально... Анархия безусловно хороша...»

Если она безусловно хороша, то говорите, проповедуйте её всем.

Если ваша «природа» лучше, если вы умнее и образованнее простого трудового народа, то поучайте его, идите в народ, станьте *народниками*, а не домогайтесь власти над ним.

Все мало-мальски развитые «вожди» политических партий сознают, что не на чем обосновать проблему власти, но все они лицемерят перед народом, все они «тактически» обманывают его.

Так ханжи, не веруя в бога, притворяются богомольными.

Мы же, анархисты, прямо говорим народу истину: мы не верим во власть, в чьих бы руках она не находилась.

Те, другие — политические ханжи. Мы же — *политические атеисты*.

26) Снизойдите, ответьте, просветите!

Люблю я читать «буржуазные» газеты...

Особенно люблю я читать самую старинную, самую учёную из них, которая от нашей свободы, от «Свободы России», даже *покраснела*.

Много истин она говорит.

Разве не правда, что мы все от «эн-эсов» до просто «эксов» разгромили, разнесли всю могущественную российскую государственность?

Разве не правда, что промышленность разорена?

Разве не правда, что мы хронически недоедаем, голодаем?

Но позвольте, кто же из вас, из вас всех, правее анархистов, включительно и вплоть до кадетов, разрушал государственную власть честно, открыто, принципиально, кроме нас, анархистов?

Вы все «демократы», не вы ли воспевали на все лады «власть народа», «власть числа»?

Вы же ее имеете, «власть массы», «власть тьмы», о чём же сетуете?

Или вы мечтали о власти лучезарной, власти абстрактной, власти надсословной?

Так скажите же вы, старые «Русские Ведомости», вы ли утописты или мы, анархисты?

Ваш Белоруссов от демократической власти встрепенулся, очнулся. Он встряхнулся, пересмотрел свою «идеологию» и поправел, но... не отрезвел.

Ваши «кадеты», конституционные демократы, договорились до диктатуры. До «конституционной» ли диктатуры?

Скажите, мудрые «Ведомости», кто же более трезво понимает жизнь?

Мы ли, анархисты, которые говорим: так как люди не ангелы, а черти, то не надо одним чертям давать власть над другими?

Или вы, которые все твердите: люди не ангелы, поэтому нужна власть... чертей над ними?

Вещие «Ведомости», закованные властью в цепи «Свободы России», снизойдите, ответьте на мой вопрос!

Наша промышленность разорена. Но чем же питалась оплакиваемая вами промышленность?

Не вывозными ли премиями? Не таможенными ли рогатками? Не бессовестной ли эксплуатацией труда и родного мужика, и порабощенных окраин, и отсталых народов?

Вы все «демократы», вы сами своей проповедью начали разрушать государственную власть, и с ней промышленность. Мы же, анархисты, подводили итоги вашей деятельности.

Не вы ли, демократы, проповедовали всеобщее выборное начало?

Тёмный народ должен был разобраться, кто лучше сможет вершить его судьбы в учредительном собрании.

Отчего же безграмотному солдату тоже не выбирать своего начальства, своих стратегов? Разве это не столь же логично, как избирать «народных представителей»?

Ну, и что же? Стали избирать. А если от вашего «демократического» начала не поздоровилось вашей армии, и с ней вашей государственности, то мы потираем только руки, мы подводим итоги, мы видим зарю свободы, — истинной свободы, от которой вам не придется краснеть.

Распалась ваша государственность, разложилась промышленность. Как же быть? Вернуться ли к старому — к вывозным премиям, к таможенным рогаткам, к эксплуатации народов, к милитаризму?

Иль мир клином сошёлся на капиталистических порядках? История застыла, и нет иных путей у неё? Нет новых горизонтов для прогресса?

Вы же, ученые, вы же, опытные, «Ведомости», ответьте! Жизнь — движение. Когда история идет вспять, не к смерти ли она ведёт?

Мы голодаем...

Но кто же виноват? Не ваша ли государственность? Не вами ли защищаемый капитализм с его свободной конкуренцией и свободой истреблять целые народы чудовищными войнами?

Вы требуете отмены хлебной монополии, вы требуете свободной торговли.

А мы-то, наивные, теперь только сообразили, что всякая частная торговля — спекуляция. Есть только степени в спекуляции: разница количественная, а не качественная (да и то не всегда).

Неужели мир опять клином сошелся между государственной монополией и свободной частной торговлей, свободной спекуляцией?

Вы же, «Ведомости», осведомлены, вы ведь люди ученые.

Не слыхали ли вы, что в бывшей столице, на одной лишь Петроградской стороне, действуют 444 потребительских общества, из которых 340 домовых?

«Как возникновение, так и работа их никаким из существующих центров не объединяется и не регулируется; стихийная тяга снизу привела в некоторых только районах к образованию районных или подрайонных союзов. По инициативе московского, литейного и петроградского районов возникает общегородская кооперативная биржа... Биржа должна стать органом кооперативных центров Петрограда и сможет заменить центральную и районные продовольственные управы, которые обходятся населению чересчур дорого» («Новая Жизнь» от 9 апреля 1918 г.).

Не так давно вы, «Русские Ведомости», писали, что «было бы величайшей ошибкой за внешним видом раздираемой внутренними несогласиями России забыть её действительные силы, её великие ресурсы, её бесконечные возможности» (см. «Заявление партии народной свободы» в № 24 1918 г.).

Вы же, ученые, вы ведь, опытные, «Русские Ведомости», — вложите же конкретное содержание в эти «бесконечные возможности»!

Или вы тоже мечтаете побежать за колесницей диктатора?

Мы, анархисты, мы ведь тоже — народъ, об интересах которого вы пишете ежедневно на ваших столбцах.

Вы, демократы, вы уважаете число.

Нас всё больше становится, мы все шире распространяемся.

Снизойдите, ответьте, просветите!

27) «Неразгаданный сфинкс»

Так назвала небольшая группа «пионеров объединения умственного труда» в своей декларации усматриваемый ею новый пролетарский класс: «пролетариат интеллектуальный».

Вопрос идет о пресловутой «интеллигенции». Разберемся, что она из себя представляет.

Слова, которые повторяются часто и которым придают определённое, общепризнанное значение, называются терминами. К таким терминам относится слово «интеллигенция».

Интеллигентом называют развитого человека, выработавшего свое разумение о жизненных явлениях, преимущественно об общественных вопросах. Попросту говоря, интеллигент, это — человек с собственными убеждениями.

Взгляды интеллигента не всегда бывают прогрессивными, а тем менее революционными. Знаменитый Пуришкевич — несомненный интеллигент, но он монархист. Сотрудник «Русских Ведомостей» Белоруссов безусловно интеллигент, был революционером при старом режиме, а теперь форменный реакционер.

Человек, занимающийся умственным трудом, и интеллигент — не одно и то же. Собственно говоря, исключительного умственного труда не существует. В каждой профессии необходимы и физические, и умственные усилия. Когда в данном труде преобладает тот или другой характер, то профессия называется или физической, или умственной. Есть профессии, которые трудно отнести к той или другой категории. Таковы, например, надзиратели за техническими работами, электротехнические рабочие, писаря и т.п.

Не всякого человека, занимающегося умственным трудом, можно назвать интеллигентом. Сплошь и рядом приходится слышать, что такой-то инженер, адвокат, врач, архитектор и т.д. «не интеллигентный человек». Это не значит, что они в своей профессии — плохие работники. Называя «не интеллигентным», хотят сказать, что такой-то неразвитой человек, не обладает разумением жизни, выработанным собственными усилиями, не имеет собственных убеждений.

С другой стороны, часто приходится слышать, что такой-то — «интеллигентный рабочий». Это значит, что рабочий, хотя и не имеет цельного образования, но благодаря своей любви к знаниям, — чтением, беседами, слушанием лекций, — приобрел достаточный запас знаний, чтобы иметь собственное суждение о явлениях жизни.

Из сказанного вытекает, что под словами «трудовая интеллигенция» нельзя подразумевать только работников умственного труда. Существует также интеллигенция физического труда, которая тоже имеет полное право называться «трудовой интеллигенцией». Ясно поэтому, что трудящуюся интеллигенцию нельзя выделить в обособленный от пролетариата класс.

К сожалению, наши пионеры объединения умственного труда путают эти два разных понятия: трудящуюся интеллигенцию и умственные трудовые профессии.

В сущности люди и той, и другой категории у нас давно объединены.

Первые — в политические партии.

Вторые — в профессиональные союзы умственного труда. Некоторые из последних, как юристы и врачи, даже во всероссийском масштабе. Если наши пионеры хотят их перевести «от узкой цеховой политики» «к широкому пролетарскому объединению», то им незачем было выпускать торжественную декларацию, а просто нужно было взять на себя инициативу созвать совещание представителей хотя бы главнейших существующих умственных профессиональных организаций и сделать им конкретное предложение объединиться на таких-то началах. Одним из этих начал, судя по первоначальной декларации пионеров, было желание спаять в единую Московскую Федерацию «огромную аморфную массу» (очевидно, имелось в виду спаять в Московскую Федерацию также «аморфные» частицы всероссийских профессиональных союзов умственного труда), выдвинуть классовые лозунги и провести их «сквозь учредительное собрание».

В новейшей редакции пионеров говорится: чтобы раздавался в советах властный голос аполитической трудовой интеллигенции.

«Аполитичность» такой трудовой интеллигенции будет вне всякого сомнения. Но согласитесь, что от учредительного собрания, через советы, до единственно возможного аполитизма, называемого анархизмом, существует большая дистанция. Чтобы так широко шагать, нужна известная мягкость убеждений. Твердо же убежденный анархист открыто себя называет таковым.

Но, все-таки, спросит читатель:

— А как же насчет разгадки сфинкса?

Насчет сфинкса путешественники рассказывают, что во Франции давно уже существует большой пролетарский союз. Он называется Всеобщей Конфедерацией Труда. Все трудовые профессии, как умственного, так и физического труда, одинаково в нем принимают участие. Там пролетарии умственного труда — люди скромные. Они не выделяются в особый класс и не говорят громкой фразы за тремя подписями вроде следующей:

«Выступая на поле битвы, шлем братский привет земледельческому и промышленному пролетариату!»

Разгадать сфинкс так же было просто, как разрешить Колумбу задачу с яйцом.

Трудно в наши времена открыть Америку... в России.

28) Былина о трёх китах

На редкость причудлива «Жизнь»¹, — жизнь в кавычках.

До сих пор наш советский строй, — на удивление всему миру и наперекор всем международным капиталистам и богатейшим помещикам, — опирается на два столпа: рабочий и беднейше-крестьянский.

Скоро он будет покоиться на трёх классовых китах: на пролетариате, на крестьянстве (беднейшем) и на «аполитичной трудовой интеллигенции». Вы не поняли?

Так слушайте:

Пролетарий — это тот, кто не имеет орудий производства и продает свой труд.

Беднейший крестьянин — это тот, кто не имеет хлеба и всегда голодает (при советском строе не менее, чем при любом ином).

А «аполитичный трудовой интеллигент», — это образованный человек, который не имеет собственных «твёрдых» убеждений, чтобы открыто их назвать, и тоже мечтает попасть в советы.

Нет, любезные друзья, вы наивны!

Чтобы раздавался в советах ваш «властный голос трудовой интеллигенции», чтобы «выявилось ваше подлинное всегда (?) революционное лицо», и чтобы вам «найти всегда защиту своих интересов», вам нужно иметь зычную глотку, тупой медный лоб демагога и «растирающий в порошок» кулак грубой силы.

Нет, вы решительно наивны!

Куда вы «устремляетесь», вы, тепличные цветы, анемичные, безвольные?

Я слышал от дряхлой бабушки, — от бабушки-истории, — другую быль, о трёх иных китах.

На них покоится вся *Жизнь*, — жизнь без кавычек.

Первый кит, это — *этика*, мораль или нравственность. Не отвлечённая этика отживших свой век обманчивых религий и учений.

Не слащавая этика «условной лжи» сытых сословий.

Не звериная этика изголодавшегося темного человека.

А естественная этика здоровой *Жизни*.

Этика «без санкции и принуждения».

Этика радости существования «всем биением нервов, всем огнем статей».

Этика, вытекающая из живого источника психо-физиологии человека, любящего и плодящегося.

Второй кит, это — *труд*.

¹ Газета «Жизнь».

Труд разделившийся, усовершенствовавшийся. специализировавшийся.

Труд, черпающий свою плодотворность из другого свойства психо-физиологии человека: из разума, из мышления, из науки.

Труд, создающий богатства.

Труд, питающий любящего и плодящегося человека.

Труд, объединяющий его по отраслям практических знаний в профессиональные организации, в синдикаты.

Третий кит, это — сотрудничество или *кооперация*.

Кооперация тоже питается своими корнями из разума, из мышления, из науки, созданной психо-физиологической природой человека.

Кооперация объединяет слабые разрозненные силы любящего, плодящегося и трудящегося человека в мощные плодотворные организации.

Спокойно и гармонично покоилась *Жизнь* на этих трёх китах в детстве человека, пока злая фея эволюции, пользуясь молодостью неразумного человека, не выпустила ползучую, лагирующую змею *Власти* между профессиональными объединениями трудящихся и не создала профессиональных привилегий.

Власть стала охранять насилиями и принуждением выгоды одних профессий и урезывать права других.

С тех пор человек, — любящий, трудящийся и могучий, — разделился на богатых и бедных, сытых и голодных.

Бабушка-история рассказала ещё, что никогда не было живучих сословий паразитов. Все нетрудящиеся бесполезные паразиты скоро вымирали сами собой. То были большие. Они встречались во всех трудовых слоях, и богатых, и бедных.

Так называемые *классовые противоречия* и *классовая борьба* всегда были противоречиями интересов и борьбой между профессиональными категориями трудящихся за свои привилегии, поддержанные *Властью*.

Бабушка-история ещё шепнула мне, что человек уже вырос и скоро раздавит голову ползучей и лагирующей между привилегиями змее *Власти*, даже советской.

Тогда исчезнет неравенство между людьми и *Жизнь* прочно установится на трёх вечных китах: на этике, синдикатах и кооперации, — на любви, труде и объединении.

А «Жизнь», в кавычках, нам толкует о «властном голосе» интеллигенции, об «аполитической классовой организации», о её борьбе «в защиту своих интересов».

«Жизнь» в кавычках, берёт за свой счёт в кавычки положения из теорий, похищенных марксизмом у Консидерана.

29) Мирозерцание анархизма и синдикализм

В наше время увлечения масс так называемыми крайними партиями не бесполезно познакомиться всем, и в частности рабочим, объединенным в профессиональные организации и оказывающим влияние на ход развития общественной жизни, в чем заключается мирозерцание анархизма.

Общеизвестно, что практический анархизм — международное рабочее движение, главным основателем и вдохновителем которого был Бакунин.

Кропоткин, Элизе Реклю и другие развили, — я бы даже сказал: оформили идеологию Бакунина и способствовали дальнейшему развитию международного анархистского движения.

В широких слоях просвещённого общества и, в частности, среди рабочей интеллигенции Бакунина знают, как знаменитого революционера, как великого бунтаря, но сравнительно немногие знакомы с его научным обоснованием своего бунтарства. Бакунин не был бы великим революционером, если бы свои действия и свою проповедь не основывал на научной философии.

Много было знаменитых революционеров и до Бакунина, много было в истории проповедников «ниспровержения существующего государственного строя», но Бакунин первый объединил революционное действие с научным пониманием развития общественной жизни. Бакунин подвёл под революционную проповедь фундамент научного эволюционного мышления.

Эволюционное понимание развития общественной жизни возникло после знаменитого труда Дарвина «Происхождение видов». До Дарвина предполагали, что вид, т.е. каждая порода животных или растений, постоянен, не изменяется; что потомство всегда воспроизводит прародителей неизменно в таком же виде, как, по учению религии, их Бог создал. Дарвин научно доказал, что породы живых организмов видоизменяются под различными влияниями (природы, борьбы за существование, полового подбора).

Эта теория об изменяемости живых организмов была перенесена и в изучение развития человеческих обществ. Она создала общественную науку, или социологию, которая признает изменяемость общественных порядков и учреждений в истории развития человечества.

Мирозерцание анархизма основывается на научной социологии и говорит: государственная власть возникла по известным историческим причинам. Эти причины непостоянны. С их исчезновением должна упраздниться и государственная власть. Эволюция ведет к уничтожению государственной власти, и мы, сознательные анархисты, способствуем этому активным действием. Мы чувствуем ежедневно гнёт власти и знаем, что с её скорейшим устранением всему обществу будет лучше житься.

Кто убежденно борется с анархизмом, кто хочет искренно от него отмежеваться, как это хотят сделать некоторые товарищи синдикалисты, тот должен доказать, что государственная власть необходима и полезна, примерно, хотя бы для их движения.

Синдикализм не может игнорировать государственную власть, так как государственная власть сама не игнорирует ни рабочих, ни рабочий синдикализм.

Пусть товарищи синдикалисты скажут, как они относятся к государственной власти: нужна ли она для «непосредственного действия каждого рабочего синдикалиста в борьбе за освобождение» или нет? Если нужна, то им придётся назваться синдикалистами-государственниками. Обойти же этот вопрос молчанием они не могут. Этого им не позволит ни красногвардеец или милиционер, что стоит на углу улицы, ни завтрашний городской. (Они разнятся только названием.)

Если товарищи синдикалисты в сердцах скажут: «Ну их всех... к дьяволу», то... то они станут анархо-синдикалистами.

30) Размышления о Советской Федеративной Республике

(Посвящается молодым и наивным большевикам)

В широких кругах политически подрастающего поколения и даже в партиях плохо дают себе отчет, в чем суть и чем стремится Советская Федеративная Республика отличиться от всякой иной.

Между тем, очень важно выяснить этот вопрос, чтобы понять, почему новый режим, несмотря на все кричащие противоречия по отношению к лозунгам, под сенью которых он зародился, несмотря на свои возмутительные преступления и неслыханные насилия, все еще находит поддержку в народных массах.

В речи, произнесенной на 3-м Съезде Советов в Москве, Ленин назвал новый политический строй «высшей формой», в которой «уничтожен угнетательный аппарат государства».

Из кого же состоит аппарат государства, как не из чиновников или бюрократии?

Новый политический строй устранил все старые кадры бюрократии, которых нерешительное Временное Правительство коснулось поверхностно, и передал самые широкие полномочия советам на местах. Этим самым он вызвал к жизни широкую самодеятельность местных общественных сил.

В печать проникают, главным образом, отрицательные проявления этой самодеятельности, порожденные низким уровнем общей культуры, но она мало откликается (даже большевистская печать) на чисто практические будничные созидательные стремления народа на местах.

Большевистский режим держится не потому, что народ верит большевистским верхам, а потому, что он не изверился в самом себе.

У народа два исхода: между старой твердой властью, хотя бы прикрашенной «правовыми порядками», и нынешней, безалаберной, он выбирает меньшее зло, он терпит до поры до времени последнюю.

Само Временное Правительство сознавало необходимость смягчения «угнетательного аппарата» чиновничества; идя навстречу духу времени, оно отменило все чины. Правительство Народных Комиссаров подтвердило эту отмену, но, к сожалению, ни то, ни другое, отменив чины, не упразднило самих чиновников.

Чтобы осуществить народные стремления, верно схваченные, но ложно проводимые Лениным, — чтобы упразднить угнетение народа государством, Советская Федеративная Республика должна стать государством без чиновников. Иначе она или погибнет, или приведет к старой сущности под иными названиями.

Чиновники всегда являются исполнителями власти государства, — власти, захваченной той или другой политической партией, а не воли самого народа.

Если сегодня все учреждения власти находятся в руках социалистов, то при чиновничьих, бюрократических порядках они завтра могут быть захвачены даже монархистами.

К сожалению, товарищи-большевики, даже мнящие себя очень передовыми по идеям, не могут себе представить общественный строй без целого ряда чиновников, командующих одни над другими и все вместе над народом, начиная от последнего красногвардейца и кончая самим министром — народным комиссаром.

Если заглянуть в наши участковые комиссариаты, то всякий убедится, что, если они чем отличаются от полицейских участков царских времен, то разве названием и тем, что «благонадежными» стали те, кто громче кричит о революции, а на самом-то деле, кто является, быть может, худшим врагом народа.

Для чего нам нужны все эти «комиссары», их помощники и иные чиновники?

Если бы они были полезными трудовыми элементами, то где-нибудь учились бы своему ремеслу.

Всякому полезному делу нужно учиться и долго учиться. Вот хотя бы сапоги тащить, стол сколотить, детей учить, больных лечить. А комиссаром тебя в две минуты сделают: выправят бумагу, подпишут, печать приложат, и готово!

Комиссаром сделаться — это всё равно, что в магазине одежду примерить: вчера, примерно, ты был «комиссаром по иностранным делам», сегодня тебя сделают «комиссаром-диктатором по продовольствию», а завтра — «военным комиссаром» и в придачу ещё «морским».

Чиновничье это ремесло. Оно осталось у нас от царского режима, да от выборных порядков капиталистической государственности. Ведь при последних тоже избирают депутатов в государственные думы и учредительные собрания, и поручается им вершить все общественные дела. Малый ребенок, и тот сообразит, что один и тот же человек не может всё знать; он не имеет права даже простой совет дать, не только что обязательные для всех законы издавать по всем общественным вопросам.

И выходило на практике, что всеми общественными делами правила кучка чиновников, старых проницательных карьеристов, а не народ. Так было не только в России, так было и остается в Западной Европе и в самой Америке, так, в сущности, продолжает оставаться и у нас теперь.

Чиновничество заест и погубит Советскую Федеративную Республику, оно превратит её в старый угнетательный аппарат для всех, если трудовой народ во-время не примет мер, чтобы искоренить снова народившееся у нас чиновничество.

А сделать это очень просто, нужно только вникнуть в самую суть вопроса.

Чем держится чиновничество у нас и везде, во всём мире?

Тем, что оно выкачивает налоги из народа и при помощи денег верховодит всеми общественными делами. Оно составляет годовой бюджет для всего государства, в первую очередь, конечно, для себя, для оплаты своего жалованья. В так называемых демократических странах оно заставляет парламент, или государственную думу, разыгрывать комедию и утверждать государственные приходы и расходы. То же самое установится и у нас в Советской Республике (только вместо парламента государственную смету будет утверждать Съезд Советов, что по существу сведется к тому же), если народ будет продолжать платить подати чиновникам.

Все политические партии, завладевшие властью или домогающиеся её, смотрят на народ, как на малого неразумного ребенка, которым нужно руководить, который не дорос до того, чтобы мог сам вершить свои дела, и над которым нужна опека. Вот этими-то фактическими опекунами и являются чиновники, а всякие там парламенты, государственные думы и даже съезды советов узаконяют только управление чиновников.

Если мы не хотим, чтобы Советская Федеративная Республика тоже превратилась в подобное чиновничье государство, то, прежде всего, не должны выпускать из своих рук все сборы или налоги для общественных или государственных нужд.

Нужно, чтобы в каждом селе мирской сход, — или, по-новому, *сельский совет*, — и в каждом городском доме собрание жильцов или *домовый совет*, сами установили свои налоги сообразно с достатком каждого, по совести и справедливости; нужно, чтобы эти деньги вносились в особые земские и городские народные банки, которые следует учредить в главных городах; нужно, чтобы внесенные деньги оставались на текущем счету в распоряжении мирского схода или домового собрания, а не чиновников, и, наконец, нужно, чтобы без одобрения мира или собрания ни одна копейка не могла быть израсходована.

Раз в год выборный мирской или домовый комитет (примерно, старшина — председатель, писарь — секретарь и казначей) представляют на обсуждение и утверждение мирского схода, или домового собрания, смету расходов на земские и городские общественные нужды. При составлении смет мирским и домовым комитетам помогут профессиональные союзы разных отраслей общественных служб (учителя, врачи, инженеры, агрономы, лесоводы и т. д.), которые разработают общие земские и городские сметы по каждой отрасли служб для волости, уезда и округа (губернии) или участка, района и города, и затем произведут пропорциональную подушную разверстку на села и дома.

Расходовать же будут ассигнованные суммы профессиональные союзы трудящихся каждой отрасли общественных служб согласно сметам.

Таким образом, государство будет организовано на начале свободной кооперации, сельских (земских) и домовых (городских) общин, вместо принудительного объединения централизованной правительственной властью.

Задача не так уж сложна, дело не так хитро наладить. Всё новое, непривычное обыкновенно кажется трудным, пока не приобретается навык.

31) Откуда пошла контрреволюция?

До февральской революции в России была одна, всеми признанная, никем не оспариваемая контрреволюция: самодержавная власть.

Вспыхнула февральская революция.

Самодержавная власть рассеялась, как тяжелый кошмар.

Вы помните те чудные дни безвластия, те чудные дни анархии, когда даже «гражданин» Николай Романов стал равен всем смертным? Захотелось ему поехать в армию, он свободно туда поехал; захотелось ему вернуться, никто ему не помешал; наконец, он сам понял гибель контрреволюции и надумал отправиться на «покой» в бывший дворец — Ливадию, превратившийся по мановению феи революции, в хутор частного человека.

Тогда человек, гражданин Николай, встречал только жалость и сострадание к себе. Власть же самодержца, — контрреволюция, — оказалась окруженной пустыней.

Тогда контрреволюция никому не была страшна. Тогда у контрреволюции не было преемницы, не было иной организованной государственной власти.

Но недолго продлились свободные дни и радужные надежды революции.

Не долго длилась анархия — мать порядка.

Не долго длилось всеобщее объединение народов России без принуждения власти.

То самое объединение, перед которым опустили руки даже у внешнего врага: он не смел поднять меч на зародившуюся свободу, способную в молодом порыве всеокрушающей лавиной смять посягателей.

Не долго продлилась истинная свобода-безвластие.

Вожди политических партий, от кадетов до социалистов-государственников, не дремали. Они затеяли фарс отречения царя от престола и власти, — царя, который фактически уже был отрешён от всего.

Затем фарс разыграли в комедию «преемственности власти» и водворили контрреволюцию, водворили власть Временного Правительства.

Кто же организовал и поддерживал в те дни истинной свободы, в те дни анархии порядок и единение?

Советы.

Советы, не претендовавшие тогда на власть.

Советы, не ставшие еще яблоком раздора для захвата власти.

Советы, объединявшие на местах все трудовые и общественно-полезные слои населения.

Советы, не исключавшие из своей среды инакомыслящих; советы, уважавшие права всех и прислушивавшиеся к голосу каждого.

Советы, двери которых были широко открыты для всякого живого почина, а не заслонялись наемными штыками и пулеметами.

Но вожди политических партий падки на власть, как дикари на водку.

Вместо того, чтобы повести народ, — народ, объединённый вокруг советов на местах, — на борьбу с организовавшейся контр-революцией, с государственной властью, они повели народ на захват власти, за насаждение контрреволюции в самих Советах.

Октябрьская революция, к которой примкнули многие из анархистов в надежде на очищение революций от контрреволюции, от государственной власти, — привела к насаждению контрреволюции в самих Советах.

Теперь мы переживаем времена наивысшего расцвета контрреволюции, необузданного произвола государственной власти.

Ни одно средство, ни один прием из арсенала самодержавия не остался не использованным.

Призыв и принуждение угрозами к доносу, наёмный сыск, произвольные обыски, огульные аресты, гноение в тюрьмах, административные расстрелы, — это ли не контрреволюция?

Запрещение митингов, удушение свободного слова, грабительские штрафы, закрытие газет по прихоти власть предержащих, разрешительная система для периодических изданий, — это ли не контрреволюция?

Суды, нарушающие в угоду власти, для них же изданные законы, выносящие смертные приговоры над политическими противниками, — это ли не контрреволюция?

Расстрелы рабочих на митингах и собраниях, расстрелы волнующегося голодного народа, карательные экспедиции с массовым истреблением сдавшихся повстанцев — это ли не контрреволюция?

В завершение, установление парламентаризма на съездах Советов и чудовищная бюрократическая централизация, — это ли не контр-революция?

Сама *Всероссийская Советская Конституция*, основанная не на свободной, не принудительной федерации самоопределившихся территорий, а на государственной централизации, не есть ли попытка воскресить основное начало *Всероссийского Учредительного Собрания*, — не есть ли контрреволюция?

Стоило ли ломать копыя, проливать человеческую кровь, чтобы подменить советский строй, основанный на самодеятельной организации народа на местах, без неизбежно угнетающей центральной власти, — самым подлинным по своему строению буржуазным парламентом и господством наемных чиновников?

Вы говорите, что дали гражданские права только трудящимся, но ведь трудящиеся же всегда составляли народную массу, — где же преимущество? Какое существенное улучшение представляет новая цензовая система голосования?

«Мы уничтожили парламент для богатых, мы учредили парламент для бедных!» — хвалился Ленин в одной из своих речей.

Ваш парламент бедному и трудящемуся народу не нужен.

Он нужен для вашей партийной клики, чтобы выплясывать на спине народа кровавую вакханалию произвола и усмотрения.

Контрреволюция во власти — в чьих бы руках она ни находилась.

Было бы болото власти, черти контрреволюции заведутся.

В болоте власти сейчас царствуют вожаки большевистской партии.

Великану же народу нужна не власть пигмеев, партийных вожаков, а советский строй, очищенный от «подлого яда власти» человека над человеком...

32) «Веский аргумент»

Исторически не так давно Швейцария давала убежище политическим беглецам не только из России, но и из западно-европейских стран.

Когда в конце минувшего века мне пришлось, волей российских порядков, учиться в Женеве, там в университете еще преподавали два мировых светила науки: зоолог Карл Фохт и физиолог Морис Шифф, оба бежавшие от смертных приговоров.

Первый, современник Бакунина и его соратник по борьбе с «Богом», бежал из Германии, второй — из Италии.

Из деятельности Карла Фохта рассказывали следующий колоритный эпизод.

Когда в самый разгар пропаганды дарвиновской теории и естественно-исторического материализма, он читал раз в Женеве с шумным успехом перед битком набитой аудиторией одну из своих знаменитых общедоступных лекций, то бессильные в своей злобе клерикалы кинули в проповедника научных знаний камнем на эстраду.

Маститый ученый нагнулся, поднял камень и потрясая им высоко над головой, перед жадно ловившим каждое его слово собранием, воскликнул:

— *У моих противников веский аргумент!*

Этот красочный эпизод мне вспомнился, когда узнал, что по постановлению наших «революционных» и даже не просто «социалистических», а «коммунистических» властей вновь закрыта, — (уже потерял счёт, в который раз), — вся независимая периодическая печать.

Да, действительно, у гонителей свободного слова *веский аргумент!*

Грубое физическое воздействие вместо обсуждения, застывшая догма — вместо ума, убожеская демагогия — вместо знаний, вот оружия борьбы «нищих духом» у власти, трепещущих в паническом страхе перед светом критики и истины.

Таковой была тактика всякой власти, таковой она остается у «социалистов-коммунистов», завладевших ею.

Разница лишь в том, что новая власть, — без опыта и лоска, стоящая под руководством мутных осадков интеллигенции, преподносит свой произвол без румян и белил «правово-порядковой» законности.

Власть и свобода, это — вода и огонь.

До тех пор пока будет существовать власть, она будет тушить священный огонь свободы.

Вместо тонкости ума, последовательных знаний, исканий свободной мысли — бронированный кулак полицейского воздействия, уличный булыжник, кинутый в науку: вот последний довод всякой власти.

Да, действительно, у власти всегда имеется в запасе *«веский аргумент»!*

33) Террор

«Плохой революционер, который не понимает, что ничего длительно законченного и неизбежного революция не устанавливает... то, к чему мы имеет намерение призвать все советы... отнюдь не на ослабление террора по отношению ко всем врагам Советской власти, но, наоборот, на самое резкое усиление массового террора».

Так проповедывал на кануне 6-го июля с трибуны 5-го *Всероссийского Съезда Советов* тот, который для иностранных государств призван представлять Советскую Россию и принимать вверительные грамоты послов, признавших ее правительство.

Нашлись люди, которые вспомнили, что «*Всероссийский*» Съезд должен представлять *всю* Россию.

Нашлись люди, которые не забыли, что Украина, Финляндия, Прибалтийский край, Закавказье не добровольно отложились от России.

Нашлись люди, которые не упустили из вида, что сейчас на покорение Советского Бакинского района движутся германо-турецкие войска.

Что же удивительного, что на следующий день люди искренние, люди любящие советский строй вместе со всей Россией, а не мишурную власть одной партии над «оазисом», подняли руку на представителя злейшего врага Советского строя, — на представителя германского милитаризма?

Народные Комиссары говорят, будто опасаются войны.

Войны с «дружественной» Германией из-за одного убитого человека, будь то даже посланник?

Полно притворяться наивными!

Россия — могущественная, самодержавная, не объявила же войны Персии из-за убийства своего посланника Грибоедова в Тегеране, при попустительстве властей?

Франция не объявила войны Италии из-за убийства президента Карно италианцем-анархистом Кассерио?

Кто не понимает, что не из-за убийства австрийского наследника на австрийской же территории возникла и продолжается мировая война?

Из-за таких «частностей» государства не воюют.

То, чего Народные Комиссары боятся, — то, из-за чего они поспешили расстрелять без суда и гласного следствия в первые же дни в Москве 14 революционеров и ползали на животе в своих «правительственных сообщениях», это — опасение потерять поддержку Германии для *своей* власти.

Полно кривить душой и запугивать народ войной!

Все прекрасно понимают, что войны быть не может.

Может последовать только *прямая* оккупация германскими империалистами Великороссии, вместо *косвенной*, покорными перед их наглыми притязаниями русскими властями.

Но еще большой вопрос, рискнёт ли сделать этот шаг истощённая, зарвавшаяся в ширь, расшатанная в своих основах Германия наших дней?

А если и рискнет, так что же? Беззащитная Москва во второй раз увидит нашествие завоевателя и затем... его позорное бегство.

Ближе придвинется к нам час конечного освобождения...

Вернемся к террору.

Террор, это средство борьбы слабых физической силой, но сильных духовной правотой.

Расстрелы по суду и по административному усмотрению, не революционный террор, а опозорение и загрязнение светлого идеала революции. Это — жестокая месть-расправа сильного над слабым. Это — убийство, рассчитанное на безнаказанность для убийцы, и без шансов спасения для жертвы.

Революционный террор — не проповедь, не теория, а проявление здорового инстинкта самосохранения сопротивлением.

Что же, Германия, — победоносная даже не в открытом бою, а в закулисной деморализации России, — пощадила народы России? Их единение после февральской революции? Их независимость?

Нет, она цинично принудила подписать Брестский договор, сделав бесцельным даже его прочтение.

Она заставила признать капитуляцию права перед силой, справедливости перед произволом. Московский акт 6-го июля, это ответ на Брестский акт.

Виновников ищите в Берлине!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Утренний гудок
1918

<http://www.oldcancer.narod.ru/Atabekian/B/09.htm>
Большая часть настоящего сборника, кроме статей 3, 16, 22, 25, 31, 32 и 33,
появились в газете «Анархия» с 26 апреля по 26 июня 1918 года.

ru.theanarchistlibrary.org